

С. 2
Место, где можно спокойно поговорить
В этом номере много материалов с Рождественских чтений: и интервью с митрополитом Смоленским Исидором, и целый разговор, рассказывающий подробно о двух секциях и кратко – о Чтениях в целом. В следующих номерах рассказ о Чтениях продолжится

С. 4
Письмо от бабушки Фаи
В окрестностях Хабаровска есть небольшой город Вяземский, а вокруг него – несколько деревенек. О том, что случилось в одной из них, когда молодого ревностного священника сменил любитель «держать и не пущать», рассказывается в письме прихожанки (и устроительницы) деревенского храма

С. 4
Служить Богу сколько хватит сил
Уходит из жизни поколение священников, духовными наставниками которых были исповедники веры. 29 декабря отошёл ко Господу один из таких людей – митрофорный протоиерей Леонид Кузьминов, настоятель храма свт. Николая на Преображенском кладбище

Приложение «Вестник просвещения»
Центральная тема приложения связана с именем свт. Николая Японского, которого мы всегда вспоминаем в февральские дни (в этом году исполнилось 105 лет со дня его кончины). Фрагменты его дневников совсем не устарели, особенно те, где речь идёт о выборе пути служения и о верности этому пути

Тема номера Начало катастрофы

Февраль 1917

Краткая хроника

В этом году мы уже не раз говорили о Русской катастрофе, но ведь сами эти слова могут стать порой лишь формулой и идеологемой. Ткань истории можно воспринимать и как живое тело, чувствующее боль, до сих пор отдающуюся в нас, – и как труп на прозекторском столе, который можно изучить именно в этом качестве (и ведь бываюот очень профессиональные прозекторы! – как, впрочем, и бессовестные «целители», обещающие больному, что достаточно твердить мантру «я здоров, здоров, со мной всё в порядке», и от одного этого он сразу от всего исцелится). Но я по-прежнему верю, что живое соприкосновение с событиями, произошедшими сто лет назад, поможет каждому из нас уйти и от отстранённости («нуу, это же такая седая древность, при чём тут я!»), и от схематизма.

В этом номере образ последних дней февраля 1917 года займёт три страницы и будет носить форму краткой хроники. Иначе рассказать о них оказалось невозможно – любое краткое описание поневоле становилось схемой, слишком краткой выборкой, слишком односторонним взглядом. События «великой и бескровной» выглядят порой так неприглядно и страшно, что поневоле возникает вопрос: где же тут можно искать надежду? Мне кажется, что она отчасти есть в том образе,

который Солженицын включает в «Красное Колесо» как впечатление единственного человека, всерьёз противостоявшего в те дни мятежникам, – полковника Кутепова: «Огромные тысячные веса зависли – и маленькой гирьки хватало туда или сюда». Наша надежда в том, что очень многое зависит от нашего выбора, и иногда не только в настоящем, но и в будущем и даже в прошлом.

22 февраля 1917 года, среда¹

Император Николай II после длительного, более чем двухмесячного пребывания с семьёй в Царском Селе, уезжает в Ставку в Могилёв, чтобы проверить, как идёт подготовка весеннего наступления.

В этот же день в результате конфликтной ситуации на Путиловском заводе (рабочие бастовали и просили 50% прибавки к зарплате, администрация завода согласилась только на 20%) издан приказ о закрытии завода на неопределённый срок. 36 тысяч рабочих оказываются в условиях войны без работы и без брони от фронта.

Первое действие: рабочие

23 февраля, четверг

В некоторых булочных не хватает черного хлеба (хлеба в городе столько же, сколько и всегда, но из-за слу-

Взбунтовавшиеся солдаты. Февраль 1917 года

хов о введении карточек все начинают запасать хлеб на сухари). Покупатели начинают громить булочные, вслед за ними и мелочные лавки, где-то пропадает выручка.

Рабочие покидают заводы и большими толпами идут в центр города (забастовщиков больше 80 тысяч). Толпа без труда разгоняется полицией повсюду, но, рассеянная в одних местах, упорно и тотчас собирается в других. Несколько травм у сторонников порядка. За весь день в толпе нет ни одного красного флага или лозунга, не замечено никаких её руководителей.

Окончание на с. 5,6,7

Правда Божья и правда человеческая

Об уроках прошедшего столетия беседуем с митрополитом Смоленским и Рославльским Исидором

В своей речи на открытии Рождественских чтений патриарх вспоминал слова А.И. Солженицына: без живого желания понять собственное прошлое не может быть осмысленного пути в будущее. Как нам размышлять о прошедшем столетии и выявлять правду о нём, как донести её до народа нашего?

Первый путь, безусловно, связан с сопоставлением истории нашей с евангельской историей и правды Божией с той человеческой правдой, которая проявляет себя в истории. Мне кажется, это самый верный путь сопоставления, по правде ли живет человек или целый народ – или нет. И для всех нас это трудное испытание – сопоставить правду Божью с правдой человеческой, потому что в минувшее столетие, имея в виду путь нашего отступления от Бога, от церковной жизни, мало чем мы можем похвалиться. Хотя, конечно же, за этот столетний период были какие-то успехи в мирской жизни.

Были, ракеты строили.

И первый космонавт полетел, это очень важно, и был значительный технологический прорыв, и, конечно,

мы должны говорить о том, что победа нашего народа в Отечественной войне – это победа духа человеческого, но опять же основанного на духе Божием. Но, как мне представляется, одна из главных задач осмысления уроков истории состоит в том, чтобы смело сказать о тех ошибках, о тех недостатках, которые мы пережили за это столетие для того, чтобы по возможности не повторить эти ошибки, обойти те рифы, на которые корабль нашей истории наткнулся и был разрушен. Но, слава Богу, не разрушена Россия, и она устояла благодаря любви народа к своему Отечеству. Она устояла благодаря тому, что, как сегодня сказал об этом Святейший патриарх Кирилл, наш генетический код не был до конца уничтожен, и мы на этой основе, на том, что осталось после лихолетья, сможем заново возродить жизнь церкви, нашего общества и в целом нашей страны.

Владыка, как Вы думаете, в чём искать надежду людям на этом пути?

Я убеждён, что не ошибусь, если скажу, что наша единственная надежда – это Христос.

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

Продолжение темы Рождественских чтений на сс. 2-3

Всё, что перевернуто вверх дном, нужно просто взять и поставить на место

Фрагменты ток-шоу медиацентра Высшей школы экономики «В точку!», посвященного возвращению Исаакиевского собора

Отец Георгий, что церковь получает от возвращения Исаакиевского собора?

Священник Георгий Кочетков: Я думаю, что церковь приобретает более естественное положение и состояние. Действительно, немного искусства, когда храм – не храм, а музей. Для музея должно быть музейное помещение.

Участники ток-шоу – священник Георгий Кочетков и Ян Левченко

Храм должен быть храмом. При этом одно с другим может сочетаться, это практика, распространённая по всему миру, она настолько давно отработана, что мне даже странно, что здесь возникают какие-то конфликты и вообще какие-то недоразумения: ведь если ты взял чужую вещь, так положи её на место. И если нужно, чтобы это был музей для всех – прекрасно, это только лучше для церкви, а не хуже. Потому что будет больше людей, приходящих сюда, они будут интересоваться чем-то, и будет возможность сказать им живое слово. У церкви не так много этих возможностей. Я думаю, вы это хорошо знаете.

Да, но ведь Исаакий проводит богослужения. За 2016 год было проведено порядка 640 богослужений. И в среднем на одну службу, по нашим данным, приходит менее 30 человек, что составляет всего лишь 1% от посетителей собора. Отец Георгий, как Вы думаете, почему тогда так мало верующих приходит на службу в соборе?

Может быть, потому, что это ещё не собор, а музей.

Только это является причиной?

Конечно, нет.

Окончание на с. 8

Интервью об уроках столетия читайте в этом и в следующих номерах «Кифы»

Рождественские чтения в этом году были посвящены 100-летию событий 1917 года. О региональных секциях мы рассказывали в предыдущих номерах, в этом же номере вы можете познакомиться с частью материалов, собранных «Кифой» на их основной части, проходившей в Москве.

Сама тема – уроки столетия – позволяла практически с каждым говорить о покаянии, о надежде, о том, как нам выявлять духовную правду о прошедшем столетии, что здесь может сделать церковь. Часто в беседах или кратких интервью с самыми разными людьми – архиереями, священниками, мирянами, приехавшими из разных городов России или из-за рубежа – мы опирались на доклад патриарха в день открытия Чтений. В нём он не раз цитировал Александра Солженицына, например, его слова о том, что без желания понять прошлое невозможно строить будущее... Часть интервью мы публикуем в этом номере (и будем публиковать в следующих) отдельными материалами, а некоторые слова хотелось бы привести здесь.

Место, где можно спокойно поговорить

Многие секции Рождественских чтений проходили в Зале церковных соборов

Например, епископ Балашихинский Николай главным уроком столетия считает то, что Господь, несмотря ни на что, нас не оставил и никогда не оставит, а митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий сказал, что мы ещё целый год будем размышлять над этим вопросом – и интересно будет поговорить *после* этих размышлений. Епископ Татарстанский Феофан главной проблемой назвал дух вражды: «То, что приводит к вражде, приводит к слезам, крови, уничтожению. «Мы наш, мы новый мир построим» – на чём строили новый мир? На уничтожении других...»

Конечно, успеть побывать даже на половине секций одному человеку было абсолютно невозможно, но в целом преподаватели и студенты Свято-Филаретовского института, а также члены Преображенского братства, пожалуй, охватили значительную часть из 70 площадок Чтений, проходивших в Москве.

На одной из них впервые говорили об увековечении памяти наших новомучеников и исповедников – не просто об их канонизации, а о том, как говорить об их подвиге более широко, чтобы если не их опыт, то хотя бы их имена стали известны жителям России. На этой секции, проходившей под руководством прот. Кирилла Каледы, настоятеля бутовского храма, говорили о различных памятниках, памятных и информационных досках, выставках – о всём том, что может увидеть человек не только церковный. Среди прочего там вспоминали и о памятнике православным братствам Петрограда-Ленинграда, на который по благословению

митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия сейчас собираются пожертвования. Памятник будет установлен на Левашовском мемориальном кладбище. В итоговом документе отмечен опыт Преображенского братства: «Узнать больше о подвиге новомучеников Церкви Русской позволяют стационарные и передвижные выставки. Положительные примеры такого рода последних лет – выставки «Преодоление» (подготовленная ПСТГУ совместно с Музеем современной истории России) и «Неперемолотые» (Преображенское содружество православных братств, Культурно-просветительский фонд «Преображение»), вызвавшие большой интерес аудитории как внутри страны, так и за рубежом».

На конференции «Поместный собор 1917–1918 гг. и первые мученики Церкви Русской» также был важный разговор. Протоиерей Георгий Митрофанов рассказывал о первом новомученике, о Иоанне Кочурове, которого убили через неделю после Октябрьского переворота. Отец Георгий подробно остановился на миссионерском служении отца Иоанна в Алеутской и Аляскинской епархии. Интересно, что о. Иоанн организовал там два братства – Свято-Никольское и Трехсвятительное. Одновременно в Америке действовало православное общество взаимопомощи, возглавляемое епископом Алеутским и Аляскинским Тихоном (Беллавиным).

Отвечая на вопрос о роли общин и братств в годы гонений на церковь и о том, нужны ли они в современной церкви, отец Георгий с горечью отметил, что

большая часть сегодняшних христиан являются лишь захожанами, и это жаль. Поэтому, когда в наше время люди объединяются в общины и активно что-то делают, это помогает им не быть только захожанами-потребителями.

Многие секции в этом году проходили впервые. Одной из них была Татарская секция. На ней выступали исследователи миссии в Татарстане и даже прямой потомок одного из учеников и сподвижников Н.И. Ильминского в деле просвещения Татарстана – о. Василия Тимофеева.

Перечислить все важные и интересные темы, затронутые на Чтениях, в одном номере, конечно, невозможно. Но мы постараемся и дальше рассказывать о них.

Анастасия Наконечная

Издания Свято-Филаретовского института и Преображенского братства каждый желающий мог все дни Рождественских чтений найти в Зале церковных соборов

1917 год и Русский путь Рождественские чтения в МГУ

24 января в рамках XXV Международных образовательных Рождественских чтений в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова прошла секция «1917 год и Русский путь». Её организаторами были философский факультет МГУ, Синодальный отдел по взаимоотношениям с обществом и СМИ, а также движение «Сорок Сороков». Секция фактически открыла международный этап Чтений в Москве, хотя и проходила за день до его официального открытия. Об этом напомнил выступивший с приветственным словом Александр Владимирович Щипков, первый заместитель председателя ОВЦОиСМИ. Он передал приветственные слова и благословение Святейшего патриарха, который отметил важность раскрытия затронутой темы в стенах ведущего вуза страны.

«Кифа» вот уже второй раз с интересом участвует в секции, организованной философским факультетом. В прошлом году это было очень непосредственное и открытое обсуждение с привлечением представителей разных конфессий. Темой же были массовые коммуникации как инструмент межрелигиозного диалога. Нужно сказать, что в целом Синодальный отдел по взаимоотношениям с обществом и СМИ больше «вложился» в прошлогоднюю секцию (с докладами на ней выступили глава отдела В.Р. Легойда и два его заместителя – А.В. Щипков и В.В. Кипшидзе, в этом же прозвучало лишь краткое приветственное слово). Тем не менее примерно половина докладов и в этот раз были информативными и интересными, отражающими самые разные стороны поднятой темы – от отношения творческой интеллигенции (на примере А.А. Блока) к вере и церкви до необходимости ценностного, а не объективированного подхода к истории, анализа возможных исторических альтернатив, закрытых катастрофой 1917 года.

Выдержки из некоторых докладов мы планируем опубликовать в ближайших номерах «Кифы».

К сожалению, иногда звучали и более чем странные мысли, и самое печальное – они звучали порой от тех участников секции, которые считали, что выражают

мнение церкви. Один из докладчиков утверждал, что так как грех ложится на три поколения, нам нечего напрягаться: с 1917 года три поколения прошло, и всё автоматически прощено! Другой зачитывал цитату, начинающуюся словами «Хочу низко поклониться Сталину...», и интригуяюще спрашивал зал: «А вы знаете, кому принадлежит эта цитата?» (Пришлось нам подсказать, что её автор – бедный о. Димитрий Дудко, а вовсе не святитель Лука, как считают некоторые, и что авторство точно установлено).

Так что «Кифе» пришлось именно как церковной газете, представляющей братство, входящее в совет православных общественных объединений, выступить в дискуссии со своими тезисами, которые вкратце звучали так: «Мы знаем, что в православии грех исцеляется только покаянием. И для того, чтобы произошло примирение, необходимо покаяние – и личное, и покаяние всего народа, если мы чувствуем свою связь друг с другом. Ведь даже сейчас эта связь всё-таки ещё остается – и с ныне живущими, и с теми, кто жил перед нами.

Здесь спрашивали: «К кому может быть обращено такое покаяние?» Конечно, покаяние обращено прежде всего к Богу, но мне кажется, что мы должны каяться и друг перед другом. Потому что все преступления, все грехи двадцатого века были обращены в первую очередь внутрь народа, и самой главной их жертвой стал русский народ, о чём здесь уже говорили.

Сейчас, мне кажется, было бы актуально покаяться ещё и в том, что некоторые люди, считающие себя православными, с придыханием произносят имя Сталина. До революции у нас было 100 тысяч храмов. К 1939 году, перед тем, как были присоединены западные области и Прибалтика, где ещё оставались неразрушенные храмы, на территории СССР было лишь *несколько сотен* действующих храмов. Подавляющее большинство священников и епископов сидели в лагерях или погибли. И всё это происходило как раз под руководством Сталина.

После завершения работы секции все её участники вместе сфотографировались на память

Невозможно исправить то, что произошло, восстановить только стены. Необходимо прежде всего восстановить души людей. А это возможно только через свидетельство. Тогда те храмы, которые мы восстанавливаем, будут так же гармонично вписываться в наш современный пейзаж, как храмы двенадцатого века, тогда это тоже станет проявлением того, что есть внутри нас». Это выступление оказалось для многих людей важным – об этом говорили нам те, кто подходил потом со словами благодарности.

Итоги работы секции подвёл епископ Городецкий Августин, который, вспоминая десятки миллионов жертв (среди них он назвал и тех, чью судьбу мы в этой связи редко вспоминаем – например, изношенных непосильной работой детей, трудившихся в войну на оборонных заводах), сказал, что причины трагедии России XX века до сих пор до конца не изучены. Владыка выразил надежду, что сбудутся пророчества, предвещающие выход из тех бед, которые постигли нашу страну, и грядущее возрождение России.

Александра Колымагина

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: 1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Борк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 25 февраля 2017 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 28 февраля 2017 г.

gazetakifa.ru

Церковное проповедничество

Синодальный миссионерский отдел совместно с СФИ провели 26 января круглый стол «Миссионерское богослужение» в рамках Рождественских чтений

Заседание влиятельных епископов Губкинского и Грайворонского Софроний и секретаря епархиального управления Губкинской епархии протоиерея Димитрия Карпенко

Отправной точкой для разговора стало Определение «О церковном проповедничестве» Поместного собора Русской Православной Церкви 1917–1918 годов, основные положения которого представила в кратком сообщении старший преподаватель СФИ Лидия Крошкина.

Катастрофическая созерцательность

Собор и предсоборная дискуссия в один голос диагностировали «катастрофичность состояния церковного народа», который не слышит слова проповеди за богослужением вследствие нерадения и невежества пастырей. Обрядовое и лицемерие церковного народа связывались с упадком проповедничества.

Одним из главных тезисов Поместного собора стала мысль о том, что проповедь – одна из главных обязанностей пастырского служения и она должна звучать за каждой литургией. В этом отношении преемственна Собору нынешняя позиция патриарха Кирилла, озвученная им на последнем епархиальном собрании города Москвы, где он призвал священников ответственно относиться к своему проповедническому служению.

В то же время на Соборе раздавались и голоса против того, чтобы обязывать

В круглом столе приняли участие многочисленные священнослужители

священников проповедовать за каждой литургией. Эти возражения аргументировали недостатком одаренных проповедников, нежелательным увеличением длительности богослужения, представлением о богослужении как по преимуществу молитвенном и таинственном действии и вообще тем, что проповедь – скорее западная традиция, тогда как Восток предполагает большую созерцательность.

Кто может проповедовать?

Своего рода ответом на аргумент о недостатке одаренных проповедников среди духовенства стала широкая дискуссия на Соборе о привлечении мирян (и даже женщин!) к активному участию в жизни церкви. О желательности участия в деле проповеди благочестивых мирян, посвятивших себя на всецелое служение церкви, говорил, в частности, архиепископ Антоний (Храповицкий). Собор не был до конца последовательным в решении вопроса о женском проповедничестве, однако некоторые практические ответы дала сама история XX века. Так, в Париже по благословению митрополита Евлогия (Георгиевского) проповедовала с церковного амвона мать Мария (Скобцова).

Говоря об исторических прецедентах воплощения и развития решений Собора, Лидия Крошкина напомнила и пример епископа-катехизатора Макария (Опоцкого), который предпочел катехизаторское и проповедническое служение административному, получив на это благословение патриарха Тихона (Беллавина). Такое непривычное для предыдущей эпохи представление об акцентах в служении старших в церкви, озвученное на Соборе 1917–1918 годов, оказалось совершенно органичным и даже пророческим в условиях XX века. Ведь именно служением пастырей, положивших жизнь на проповедь и созидание братских связей между людьми, церковь как собрание верных в XX веке вообще сохранилась.

...и кто хочет их слушать?

Говоря о реалиях сегодняшней приходской жизни, председатель Просветительского отдела Узбекстанской епархии протоиерей Сергей Стаценко отметил, что прихожанам часто не нужна проповедь. Их интересы, запросы ограничиваются тем, где находится нужная икона и куда ставить свечку, то есть даже у постоянных прихожан нет представления

о церкви как о пространстве общения со Словом Божиим. Более того, желания произносить слово проповеди в собрании нет у многих священников.

«Забыто, что проповедь – часть богослужения, и притом центральная», – сказал ректор СФИ священник Георгий Кочетков. Однако при этом важно различать, кому адресована проповедь: церковным людям, оглашаемым, которые только готовятся к христианской жизни, или людям неверующим, для которых пространство современного прихода также открыто. Именно смешанный характер приходского собрания, в котором есть верующие и неверующие люди, делает актуальной задачу поиска миссионерских возможностей внутри богослужения – пространства по своему происхождению не миссионерского.

«Мы привыкли смотреть на проповедь как на отдельную часть службы, но ведь по существу проповедь – это то, что должно открыть смысл евангельского слова, то есть открыть Христа и привлечь к Нему. Вся христианская жизнь должна быть проповедью, открывать Христа», – напомнил протоиерей Александр Лаврин.

...и где их взять?

В Определении «О церковном проповедничестве» 1917 года содержится призыв к образованию благоустойчивых братств, призванных «объединить учащие силы церкви». «Это стремление вполне логично, поскольку отражает саму природу проповеди, которая не может быть индивидуальным делом проповедника, но является делом всей церкви», – сказал Владимир Якунцев, научный сотрудник Методического центра по миссии и катехизации при СФИ. Он напомнил слова протопрезвитера Александра Шмемана о том, что проповедь – не просто богословское рассуждение, а таинство, в котором участвует и проповедник, и всё церковное собрание и в котором исполняются евангельские слова Христа: «Слушающий вас Меня слушает».

...и как облегчить этим людям жизнь?

Много говорилось и о том, как повысить уровень восприятия проповеди в храме. Самый тривиальный (и потому неожиданный) ход предложил профессор СФИ Александр Копировский: нужно разрешить людям сидеть в храме. Епископ Софроний в этой связи вспомнил эпизод

Священник Георгий Кочетков и игумен Агафангел (Белых)

из своей жизни, когда он проповедовал церковной общине в Индонезии, сидя на полу, следуя их местной традиции.

Проповедь и Библия

Продолжая тему о месте проповеди в богослужении, говорили и о невозможности отрывать её от чтения Писания. Протоиерей Димитрий Карпенко рассказал об опыте проповеди на Апостол и Евангелие (сразу после их чтения) в своём приходе. О необходимости проповеди на своем месте высказались и настоятель Архиерейского подворья Свято-Троицкого храма села Новотроевка игумен Агафангел (Белых), и священник Георгий Кочетков. Отец Георгий подчеркнул также необходимость большей ориентации самой проповеди на Священное писание, а не только на творения Отцов и жития святых. В то же время такая переориентация потребует и серьёзной перестройки системы духовного образования, её внутренних акцентов, отметил Александр Копировский.

Обсудив решения, принятые церковью на Соборе сто лет назад, участники круглого стола пришли к выводу, что если сегодня просто начать исполнять их, это уже может кардинально улучшить ситуацию.

Софья Андросенко
Фото: Александр Волков
Полностью новость опубликована на сайте
Синодального миссионерского отдела

Владимир Якунцев и Лидия Крошкина

«Кифа» взяла у некоторых участников круглого стола интервью

Отец Димитрий, Вы вели сейчас круглый стол. Можно попросить Вас подвести для читателей «Кифы» какой-то итог? Что было самым главным, на Ваш взгляд?

Протоиерей Димитрий Карпенко, секретарь епархиального управления Губкинской епархии, член Межсоборного присутствия Русской православной церкви: Самое главное – то, что мы сегодня попытались осмыслить событие столетней давности: Священный Собор Русской Церкви, одно из постановлений которого было посвящено церковному проповедничеству. Проблемы, которые ставились 100 лет назад, остаются по-прежнему актуальными. Да, есть, конечно, какая-то динамика в развитии, и некоторые вопросы, которые тогда были нерешаемы, сегодня уже в принципе решены, но в то же время нам до сих пор есть над чем поразмыслить, что решать, о чем печалиться. И мы говорили о том же, о чем размышляли отцы собора, – как церковная проповедь должна звучать сегодня. И самое главное, что вдохновляет – сегодняшняя церковная действительность даёт надежду на то, что эта тема будет развиваться, причем развиваться творчески. Есть все основания так говорить. Наш патриарх призывает к тому, чтобы церковная проповедь звучала, чтобы слово священника было убедительным. Это побуждает к тому, чтобы каждый священник, прежде всего тот, кто поставлен не только предстоять на евхаристическом собрании, но и

совершать это особое учительское служение, относился к этому ответственно, готовясь к проповеди, взвешивая каждое своё слово, обращённое к людям с разным опытом, с разным церковным багажом. И надеюсь, что такие собрания, как сегодняшний круглый стол, такие открытые дискуссии, проходящие в духе братской любви, без какого-то обвинения, без какого-то недоумения, дают надежду на то, что существующие сегодня вопросы будут разрешаться в духе христианского взаимопонимания.

Прозвучало ли для Вас сегодня что-то новое или Вы, в общем-то, всё знали?

В какой-то степени новым для меня было то, что наше сегодняшнее собрание было единомысленным. Для меня это было вдохновляющим моментом, потому что не всегда единомыслие есть и в церковной среде. И то, что мы говорили, понимая друг друга без лишних слов, мне тоже было очень важно. Это в каком-то смысле является новой реальностью нашей церковной жизни. Не везде она такова, не везде мы можем увидеть то, что было сегодня в нашем обсуждении. А те мысли, которые высказывались отцами и присутствующими мирянами, свидетельствуют о том, что народ жаждет вдохновенного слова, научения, истолкования. Народ Божий, в том числе и священники, в этом нуждается. И это говорит о том, что Церковь живёт своей жизнью.

Какой главный совет Вы дали бы проповеднику?

Игумен Агафангел (Белых), сотрудник Синодального миссионерского отдела: Если попытаться выразить основной смысл всего того, что советовали участники круглого стола, то, я думаю, главным советом будет горение в Духе, искреннее желание самому жить по Слову, чтобы иметь возможность назидать и словом, и своей жизнью. Очень важно ещё одно: вернуть проповеди подобающее место в богослужении, потому что, скажем, на всеночном бдении предполагается минимум пять поучений. Прологи и синаксарии, к сожалению, как заметил о. Георгий Кочетков, уже теряют сейчас свою актуальность, но что мешает заменить их в этих местах живым словом проповеди? И если мы вернём проповеди это важное, нужное и подобающее место и проповедник будет предоставляться на своё служение через архиерейское благословение, если он сам будет соответствовать тому, о чём говорит, то, конечно, это слово будет зажигать сердца людей.

А что Вы скажете по поводу ещё одной прозвучавшей сегодня темы – возможности проповедовать сестрам?

Хотя о. Макарий Маркиш приводил в пример 64-е апостольское правило, запрещающее женщине говорить в церкви, но не стоит запрещать женщине, во-первых, говорить вне церкви, во-вторых, не нужно отказываться от того, что уже есть в церковной практике, ведь на литургии Апостол часто читается чтцами (по-гречески анагностами), которые в

подавляющем большинстве храмов – женщины. В целом же я думаю, что очень важно вспомнить ещё и о том, что проповедь – не только дело духовенства, это дело всего народа Божия, а значит, и мирян, и в том числе женщин, и что каждый здесь должен найти своё место.

Профессор священник Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского института: Самый главный совет, наверное, один: не бояться проповедовать даже тогда, когда кажется, что сказать – или из внутренних соображений, или из внешних – ничего невозможно. И помнить: «уча других, учуся сам».

И ещё, конечно, надо любить всю паству, да и вообще всех людей, которых перед собою видишь.

Протоиерей Димитрий Карпенко: Наверное, этот совет заключается в том, чтобы мы понимали ту ответственность, к которой нас призвала Церковь, призвал Господь. Осознав свою меру ответственности, мы, конечно, должны исполниться и вдохновением. Это тоже мистический момент, который невозможно как-то рационализировать: делай то, то и то по пунктам и ты вдохновишься. Здесь есть момент для особого прикосновения благодати Божьей. Это необходимо, конечно, всем нам, но это веяние Духа будет тогда, когда будет атмосфера открытости, взаимопонимания и сотрудничества. Вот тогда, я думаю, каждый из тех, кто поставлен на это служение, сможет получить то самое важное, что ему необходимо.

Беседовали Анастасия Наконечная,
Александра Колымагина

Письмо от бабушки Фаи

О том, как можно построить, а как – разрушить общину на приходе

Вокрестностях Хабаровска есть небольшой город Вяземский, а вокруг него – несколько деревенек. В 2011 году в местный храм был назначен молодой ревностный священник Виктор Дунаев. Он начал проводить встречи с прихожанами, читал вместе с ними Писание, рассказывал о вере и церкви. Потом такие же встречи он начал проводить и с жителями окрестных деревень. Прихожане храма в Капитоновке обрадовались этим встречам и попросили более полного научения вере. Научение продолжалось два года, а потом о. Виктор, служившего в Вяземском вторым священником, перевели далеко на север, и Капитоновкой занялся настоятель. Чем это закончилось, рассказывается в письме одной из прихожанок (и устроительниц) храма деревни Капитоновка, сестры Афанасии.

Спасибо вам всем за тёплые ваши молитвы о нас. Мы чувствуем вашу поддержку, и ваши молитвы обязательно дойдут до милосердного Бога. И мы, сёстры Татьяна, Анна-Мария, Евдокия (в миру Дина, молодая невестка Татьяны) и я, самая старая из них, Афанасия в крещении, в миру баба Фая, дорогие мои, стойко стоим во Христе.

Я родилась в 1937 году на Урале, за Пермью, на притоке реки Камы. У нас на Урале были православные и староверы. В советское время мы с отцом, когда он был жив, а я ещё была маленькой, ходили в город Глазов молиться раз в год летом. Потом закрыли церковь, сделали в ней зверинец и потом дом пионеров. Но в 1944 году опять открыли, и ещё недалеко от неё построили деревянную. Потом нам в деревнях стало невозможно жить, работали задаром, ничего не давали на трудодни, люди стали голодать, скотину всю за налоги забрали и ещё, кроме налогов, был заём. Платили очень большие суммы и, как могли, доставали деньги, чтобы налоги и займы платить, а ещё нужно было масло на корову сдать – 50 кг. С овец – шерсть, со свиней – шкуру, с кур, если 10 штук, то по 100 яиц, так что себе ничего не остаётся. Был ужасный голод, хотя урожаи были хорошие, но зерно всё увозили, оставляли в складе только на семена. С 1958 года все стали уезжать, кто в город, кто в Казахстан, и мой старший брат Григорий уехал после армии в Казахстан. И я уехала к нему. Жили мы там 11 лет и там тоже всяко жилось, задерживалась зарплата. Зимы суровые в северном Казахстане, зимой ветра, метели по неделе. А на Урале все деревни погибли, кругом пусто, одни погосты остались... Вспомнишь, слёзы идут из глаз. Какое же было правительство, не создало, а разрушало всё, и духовного ничего. Бог был забыт, но не у всех. Втихую ночами собирались и молились. Парили в русской печи свёклу и этим питались, и печёную брюкву ели, и картошка была вместо хлеба. Но как ни гнули нас, мы выжили, многие и умерли, но уже мы скитаться должны были по всей России.

Вот мы на Дальний Восток приехали по вербовке с семьёй и с шестью детьми. Сейчас дети разъехались по всему Хабаровскому краю. А душа страдала без Бога. И вот с 2003 года мы с Марией Петренко открыли в нашей деревне храм. Первый священник был о. Всеволод, служил он

один и в Вяземском храме, и ездил по всем деревням. Но кому-то стало надо на него наклеветать, и его усадили от нас. Он служил 9 лет, а потом сменились восемь батюшек. Седьмым был о. Виктор, мы его полюбили, как и ещё одного батюшку, о. Алексея, но их у нас забрали. И дали отца Георгия Ибрагимова, а он не Бога ищет, а власть, чтобы все его боялись и слушали его, и мы этого не понимаем. Он никого не привел в церковь, а наоборот, рассеял своими действиями, только одни запреты у него: Святое Писание не читать – чего вы там ищете, говорит, и что это вы собираетесь с братьями и сёстрами, вы – секта. Так нас оскорбил, назвал нас ещё и безумными, и сплетницами, и учинил над нами суд, и выгнал нас с церкви, и закрыл её. Стоит сейчас закрытая, а нам приходится по домам молиться. Но мы крепко стоим, не сдаёмся, потому что мы не одни, братство нам большая поддержка, и мы молим Бога о том, чтобы приумножилось наше братство. Мы чувствуем ваши теплые молитвы, благодарю Бога, что вы у нас есть. Здесь нас мало, всего нас пять, и пятая Мария, моя подруга и сестра духовная (ушла в дом ветеранов от дочери, которой не угодила), вот с ней мы и открывали храм, всё чистили, мыли, городили всё сами, дрова покупали, всё делали на свои пенсии и подрабатывали у сельского совета (косили всю деревню, собирали мусор), и что платили нам – всё в церковь на ремонт. Очень было тяжело. Потом Марию положили на операцию, я осталась одна, но приходиться стали ребята девятиклассники помогать, и нам стало легче. И мы уже стали вдвоём молиться, не знали как, молились по молитвослову. Потом позвали о. Всеволода из Вяземска и он нам привёз иконы и часослов, по которому мы стали молиться. Потом на второй год уже пришли сёстры Дина (Евдокия), она работает продавцом, Татьяна работала в сельсовете секретарём, Анна-Мария – медик. Мы с Марией Петренко рабочие. У неё образование 7 классов, у меня 6 классов.

Ну, вот я описала о нас всё. А сейчас я очень вас благодарю, да и все мы благодарим всех вас за поддержку и за тёплые ваши молитвы о нас. Всем вам, сёстры и братья во Христе, всему Преображенскому братству низкий земной поклон от всех нас из церкви Святой Троицы. Мы молимся и надеемся, что вернётся наш дом молитвы. Люди возмущаются, почему о. Георгий Ибрагимов закрыл храм, что он там никаких усилий не приложил, а бесчинствует. Но мы надеемся на Господа, что Он нас не оставит и вернёт нам храм нашей души, а пока молимся по домам, как сектанты, но мы ими не были и не будем. Мы просто гонимы. Надеемся, что Господь управит, как надо, и удалит отца Георгия Ибрагимова от нас. Он всеми силами стремится к карьере, говорит: «защиту диссертацию, и уеду в Китай», скорей бы Бог услышал наши молитвы.

А вот отец священник Георгий Кочетков, который к нам недавно приезжал, он нам по нраву пришёлся, глаза добрые, улыбка светлая на лице и весь он светлый, добротой от него веет, и ребята и девчата, что с ним были и впереди были которые – Антон, Александр и девицы Юлия, Калина, Анастасия и Мария – пели-то как красиво и слаженно и молитвы, и духовные песни. Вы, ребята, так нас порадовали, пели молитву, ну что ангелы. Это ли не радость встречи? Вот где настоящее православие с делами добрыми!

Поклон всему Преображенскому братству, опоре и поддержке нашей, от нас, гонимых сестёр!

До свидания! Мир всем вам! Христос среди нас!

с. Афанасия, 2016 г.

От редакции: Насколько нам стало известно, в Вяземский вновь назначен второй священник, добрый человек, и ситуация начала разрешаться. Но всех, кто молился о сёстрах из Капитоновки, да и всех неравнодушных читателей мы просим не оставлять пока своих молитв.

Служить Богу сколько хватит сил

Памяти протоиерея Леонида Кузьмина, духовного сына митр. Гурия (Егорова)

Уходит из жизни поколение священников, духовными наставниками которых были подвижники и исповедники веры XX века. 29 декабря 2016 года отошёл ко Господу один из таких людей – митрофорный протоиерей Леонид Кузьмин. С 1981 года и до своей кончины он был настоятелем храма свт. Николая на Преображенском кладбище в Москве. Все силы о. Леонид отдавал богослужению – когда он уже был тяжело болен, говорил, что будет служить Богу, сколько хватит сил, что только богослужение и причастие даёт ему силы...

Начало пути. Янги-Юль

Родился о. Леонид 18 апреля 1932 года в Янги-Юле, под Ташкентом. В 1946 году на Ташкентскую кафедру был назначен епископ Гурий (Егоров), направивший все силы на возобновление духовной жизни в епархии. По всей епархии стали восстанавливаться и открываться храмы, собираться и регистрироваться приходские общины. В Янги-Юль был назначен молодой священник Константин Былинкин. Вокруг него быстро сложилась большая приходская община, а вскоре на средства прихожан на месте молитвенного дома был построен храм в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших».

Духовные учителя

Леонид стал ходить в молитвенный дом, помогать о. Константину, будучи ещё учеником старших классов школы. В это время тяжело заболела его мама, врачи говорили, что болезнь неизлечима. В семье было ещё двое младших детей, отец умер. По просьбе матери Леонид пошёл в храм поставить Богу свечку. Отец Константин сказал ему: «Если дашь обет служить Богу и Церкви всю свою жизнь, твоя мама выздоровеет». Этот обет о. Леонид нёс 70 лет, а его мать умерла только когда ей исполнилось 90 лет...

Леонид стал духовным сыном о. Константина. Он вспоминал, как в храм на литургию приезжал владыка Гурий (владыка считал необходимым регулярно служить литургию во всех храмах епархии): «Владыка благословлял меня обычно книгу держать. Конечно, мне это было страшно, поджилки тряслись, я же мальчишка был, а стоял перед великим человеком. Моим первым духовником был о. Константин Былинкин, а затем духовным наставником стал владыка Гурий».

Связь о. Леонида с владыкой Гурием и его общиной была очень тесной. Огромное влияние на него оказал будущий митрополит Иоанн (Вендланд), в семье которого прошла часть жизни о. Леонида: «Он был большой учёный, – рассказывал о. Леонид, – На тех работах, которые он написал в своё время, несколько докторских сделали. Когда он в Переславль приезжал на каникулы, мы собирались к нему туда, и его друзья-академики приезжали: “Костя, что ж ты пошёл в попы! Был бы, как мы, академиком!”»

Начало священнического пути

По благословению владыки Гурия Леонид поступил в Московскую духовную семинарию, сразу на 2-й курс, в 1953 году, за два года, окончил её и поступил в Ленинградскую духовную академию.

13 марта 1955 года Леонид Кузьмин был рукоположен в сан дьякона, через неделю – в сан пресвитера, и назначен в храм пророка Илии в г. Серпухов. В 1956 году о. Леонид был переведён в Успенский храм Новодевичьего монастыря в Москве и нёс там служение на протяжении 25 лет, а с 1974 по 1981 год был настоятелем храма.

Попав первый раз на литургию в Никольский храм на Преображенском кладбище, мы увидели, что перед причастием здесь звучит народное пение. Известно, что эта традиция характерна для Ташкентской епархии, куда она была привнесена из Александрово-Невского братства – владыкой Гурием, архим. Се- рафимом (Суторихиным) и их сподвиж-

никами. Отец Леонид рассказывал: «В своё время ведь у нас в Ташкенте поначалу было, даже крестный ход делали, а потом всё это как-то обрубили, особенно после того, как Хрущёв занял пост... Пение было разрешено уже только внутри храма. Но у нас в Янги-Юле каждое воскресенье настоятель, который построил наш храм, отец Константин [Былинкин], Царство ему Божье, в воскресенье читал акафист, служил молебен, и потом ставили скамеечки, из Ташкента монахи приезжали, и наши собирались, и все пели... По 2–3 часа пели. Службы у нас долгие были, субботняя служба начиналась в шесть, кончалась в пол-одиннадцатого. Владыка Гурий был тоже богомольный, и батюшки были все очень интересные. Владыка даже батюшек привозил Янги-Юль показать, что наш настоятель в эти трудные годы, в 1948 году храм построил... Много было интересного».

1960-е годы

Отец Леонид вспоминал о людях, с которыми его связывала дружба: «1960-е годы – это Евтушенко, Белла Ахмадулина – все друзья наши были. Первым “полетел” у нас Саша Твардовский, он был редактором журнала “Новый мир” и опубликовал статью “Преподобный Сергей и святитель Алексей Московский – основатели государственности на Руси”. Ему и дали “государственность”, пришлось ему уйти, и то, что он написал прекрасные стихи военные, не спасло. То время интересное было. Многие помнили “первую” заповедь: “О не сказанном не пожалеешь”. Веру свою многие скрывали. Лихачёва Дмитрия Сергеевича, академика, в стихаре хоронили. Был ещё Алексей Дмитриевич Попов, он был в ЦДСА (Центральный театр Советской Армии) тогда главным, а сын его, Андрей Алексеевич Попов, наш друг был, в Новодевичий ходил к нам».

Последнее место служения

Когда отец Леонид был переведён в Никольский храм на Преображенском кладбище, он стал изучать историю окрестностей бывшего села Преображенское. Свидетельство тому – тщательно собранный им альбом с фотографиями, картами, историческими справками. В альбоме, например, есть фотографии храма Преображения на Преображенской площади до его уничтожения в 1964 году. Здесь же собраны и фотографии Никольского храма, история которого столь необычна – ведь раньше он был старообрядческим, а затем был поделен на две части, одна из которых и по сей день принадлежит старообрядцам.

Каждый раз на литургии о. Леонид обращался к верующим со словом проповеди: «Все слова Евангелия удивительные, так как это прямое обращение Господа нашего к нам...»

В последний раз мы были на литургии в храме свт. Николая 13 ноября. После богослужения подошли под благословение к о. Леониду, и он сказал нам: «Рад вас видеть. Помолитесь с нами. Это большое дело, когда мы можем молиться вместе... И друг за друга... Пожалуйста, навещайте нас. Главное, Богу помолитесь там, где вы будете. Богу помолитесь за меня, потому что только молитва, только молитва меня спасёт, больше ничего. С Богом! Так что молитесь».

Это были последние слова о. Леонида, обращённые к нам...

Вечная память новопреставленному протоиерею Леониду!

Ольга Борисова, Анна Дмитренко
Благодарим за помощь Елену Глуценко
Фото из архива о. Леонида Кузьмина

о. Леонид Кузьмин

Февраль 1917

Краткая хроника

24 февраля, пятница

С утра по петроградским улицам расклеено объявление за подписью командующего войсками Петроградского военного округа ген.-лейт. Хабалова: ржаная мука имеется в Петрограде в достаточном количестве и подвоз этой муки идёт непрерывно.

Вновь собираются большие толпы. Бастуют уже более 200 тысяч человек. Те, кто бастует, стараются привлечь к этому (иногда насильно) рабочих тех заводов, где забастовки нет (чем больше людей вовлечёшь, тем меньше ответственности для тебя самого).

В толпе кричат: «Дайте хлеба!», но часто это превращается почти в игру, подростки, студенты, курсистки распевают эти слова на те или иные известные мотивы.

Второй день со стороны власти – ни одного выстрела, ни одного ареста (все помнят Кровавое воскресенье).

К цепям солдат², перегоревшим мосты, подходят женщины: «Солдатики, не стреляйте!». Сквозь цепи постепенно просачивается народ или переходит Неву по льду, выходит из рабочих окраин в центр. Всё это происходит добродушно. Конные казаки практически не вмешиваются ни во что, проезжают сквозь толпу, пропускают её между конями.

Забастовщики останавливают трамваи, вынимая в кабинах вагоновожатых включающие электрическую цепь трамвайные ручки. Все линии закупорены стоящими трамваями (для подростков это весёлая игра).

Бьют стекла в магазинах, иногда это сопровождается грабежом, как и накануне.

Кое-где в толпе иногда появляются красные флаги.

Вечером собираются на совещание несколько членов Государственной думы, председатель Государственного совета И.Г. Шегловитов, городской голова и несколько членов правительства и принимают по инициативе председателя Государственной думы М.В. Родзянко решение передать дело снабжения города хлебом в руки городской думы.

За день ранены 28 полицейских, некоторые тяжело.

25 февраля, суббота (рабочий день)

Остановились все трамваи. Утренние газеты вышли не все. В типографии врываються рабочие, снимают с работы типографов.

На уличных стенах новое объявление генерала Хабалова: если работы на заводах не возобновятся со вторника 28 февраля – будут досрочно призваны новобранцы ближайших трёх призывов. О демонстрациях и уличных беспорядках, избиваниях полиции не упоминается.

Идут заседания Государственной думы (это последний день её существования, но об этом ещё никто не подозревает). Министр продовольствия А.А. Риттих на запрос Думы о продовольственном снабжении Петрограда докладывает, что хлеба достаточно, несмотря на метели, и даже если ничего не подвозить, запас рассчитан ещё на две недели, и отовсюду в город идут поезда с хлебом.

В центре сравнительно тихо, улицы все хорошо убраны, магазины полны продуктами, тротуарами идет обычная публика.

В то же время по городу ходят огромные толпы бастующих рабочих, но уже никто не кричит «Дайте хлеба», и уходит атмосфера игры. Много в толпе и жителей центральных районов – студентов, курсисток, подростков, просто праздно городской публики. «И уж, конечно, все городские подонки за эти три дня притянулись»³. Больше не громят лавки.

Третий день среди демонстрантов нет потерь.

После 11 часов утра на окраинах разгромлены полицейские участки; полицейские скрываются или убиты.

Стала чувствоваться власть улицы. Кричат не о хлебе, а о том, что нужно избивать полицию. К четырём часам полудни толпа обезоруживала городских и ранила их тяжело, в том числе выстрелами из толпы.

Войска часто отказываются помогать полиции. Отряд драгун помешал полиции разгонять толпу. Казаки обругали городских, двоих ударили ножами шашек. На Знаменской (ныне пл. Восстания) казак ударом шашки сбил с лошади пристава, ротмистра Крылова, сорвавшего красный флаг; толпа добила Крылова лопатой. Там же у вокзала из толпы бросили две бомбы под конных городских: лошади взорваны, седоки навзничь.

Арестованы пять членов петербургского городского комитета большевиков.

В девятом часу вечера в городской думе на совещании о снабжении города продовольствием (накануне дело снабжения города хлебом передано в её руки по просьбе Родзянко) решают: не верить обещаниям правительства, не так важен сам хлеб или не хлеб, правительство должно вообще уйти! Революция не должна остановиться. Вносят трупы нескольких убитых рабочих. Общее возмущение правительством, обгравившим руки народной кровью («Перед темнотою у Гостиного Двора демонстранты запели революционные песни и выкинули флаги "долой войну!"»). Офицер учебной команды 9-го кавалерийского полка, пришедшей на отдых в проулок у Гостиного, предупредил прекратить. В ответ из толпы раздались несколько револьверных выстрелов, метели в офицера, а ранили одного драгуна в голову. Взвод спешился и открыл ответный огонь по толпе, убил троих и ранил десятерых. Толпа рассеялась. Эти трупы и вносили потом в городскую думу».

Только этим вечером третьего дня городских волнений в Ставку императору приходят первые сообщения о них: телеграмма императрицы («в городе совсем нехорошо»), телеграфное донесение А.Д. Протопопова (распространились по Петрограду слухи, что отпуск хлеба в день на человека будет ограничен по фунту, и это вызвало усиленную закупку хлеба, рабочие забастовки и довольно большие уличные беспорядки, шествия с красными флагами, задержки трамваев, пострадало несколько полицейских чинов, ранен один полицейский, убит один пристав. Но буйствующие толпы местами приветствуют войска, а ныне принимаются военным начальством энергичные меры. В Москве же – спокойно), телеграмма военного министра Беляева, что меры приняты, ничего серьёзного нет, к завтрашнему дню всё будет прекращено.

Вечером с Невского уходят все манифестанты.

Театры, кинематографы и лучшие рестораны полны.

Вечером пылает редкое сильное северное сияние. В полночь собирается совет министров. То, что ситуация серьёзна, поняли из доклада градоначальника Балка (Протопопов, министр внутренних дел, почти ничего о происходящем не знает). К трем часам ночи решают, что премьер-министр кн. Голицын попробует поговорить завтра с председателем Думы Родзянко, или министры Покровский и Риттих встретятся с кем-то из думцев, чтобы выйти из ситуации тихо, мирно.

26 февраля, воскресенье

События
Утром на стенах появляется новое объявление: «Последние дни в Петрограде произошли беспорядки, сопровождавшиеся насилиями и посягательствами на жизнь воинских и полицейских чинов. Воспрещая всякие скопления на улицах. Предваряю население Петрограда, что мною подтверждено войскам употребить в дело оружие, не останавливаясь ни перед чем, для наведения порядка в столице. Командующий Петроградским Военным округом ген.-лейт. Хабалов». («Но как это объявление было уже третье подряд, а и первые два не выполнены, то и это не звучало. Если до сих пор не стреляли – то уж, видно, не будут стрелять».) Не вышла ни одна крупная газета.

Первый день без извозчиков (трамваи уже два дня не ходят).

Казаков больше не посылают на улицы, только войска.

Утром на улицах сравнительно пусто,

но днем от Знаменской площади движется по Невскому огромная толпа. Учебная команда Павловского полка у Гостиного двора начинает стрелять по толпе (без последнего, третьего сигнала): «середина проспекта очистилась, стала пустынной белой полосой, а на снежной мостовой – убитые и раненые. И один солдат павловец лежал, как лёг: с какого-то этажа или с крыши его пулей пришло после второго сигнала. И наверное от того выстрела – возбуждённые солдаты и стали стрелять».

Есть убитые и раненые на Знаменской площади, где стоят солдаты Волынского полка. Унтер-офицер Тимофей Кирпичников обходит солдат, втихомолку советует им стрелять вверх.

Всего в этот день уже несколько десятков убитых и раненых среди демонстрантов. Есть жертвы и в войсках.

Вечером одна из рот Павловского полка выбежала на улицу без офицеров, взбудораженная тем, что полк опозорен: солдаты стреляли в народ. Этот стихийный бунт заканчивается следующим образом: «– когда полковник Экстен, не имея возвышения, стал громко и сильно говорить к своим бунтарям, не так усевещивать наверное, как разносить, – близко сзади из гражданской толпы раздался револьверный выстрел – полковнику прямо в шею сзади, на том его речь и кончилась.

По всем этим дням замечаем мы, как там и здесь студент, или даже гимназист, юнец с идеями, делает из толпы зачинный выстрел (револьверы, у кого нужно, есть) – и всегда удачно усиливает тем столкновение.

Раненого полковника отвозили. В толпу не отвечали выстрелами, а стрелявшего не найти. Сумерки стужались. Других желающих увещивать солдат – не находилось. Но по обязанности вызван был и должен был говорить батальонный священник... Его – и имени мы не знаем. Ни – прежнего служения, ни последующего. Ни – из речи той ни единого слова и довода... На много убедил он павловцев или нет, – но после его речи уже в темноте оцепленные стали втягиваться понемногу в казарму». Поздно ночью 19 выданных зачинщиков бунта отвели в Петропавловскую крепость.

Совещания

Большевики: утром на собрании Выборгского районного комитета (общегородской накануне арестован) решено собирать оружие.

Прогрессивный блок⁴: Днём на заседании бюро Васильи Шульгин поднимает вопрос о том, кто же войдёт в «ответственное министерство», «правительство народного доверия», которого они могут вот-вот добиться, и смогут ли эти люди, привыкшие только критиковать, руководить различными практическими сторонами жизни огромной страны. Но кандидатуры будущих министров так и не названы. Два думца, В.А. Маклаков и Н.В. Савич, возвращаются после переговоров с двумя министрами (Н.Н. Покровским и А.А. Риттихом) и сообщают членам бюро Прогрессивного блока: «Практически мы их добились». Частным образом достигнута предварительная договорённость: Дума согласна, что её занятия прервут на несколько дней, если правительство одновременно уйдёт в отставку. Больше половины министров давно готовы уйти, остаётся уговорить остальных. Думцы предупредили министров, что если будет принято решение просто распустить Думу, как это уже бывало несколько раз, произойдёт общественный взрыв.

Социалистические партии⁵: Вечером на квартире у А.Ф. Керенского, руководителя думской фракции социалистических партий, собравшиеся считают, что никакой революции нет и не будет.

Совет министров: Поздно вечером собирается экстраординарное заседание. Покровский и Риттих докладывают о своих переговорах с думцами. Но как уйти в отставку (для этого нужно распрощание государя)? Да и почему Дума считает, что будет общественный взрыв? Она-то и раскачивает обстановку. Может быть, лучше как раз её распустить? (У князя Голицына

Тем, кто застал советскую эпоху, кажется невозможным, что явление, ставшее для России XX века обыденным – постоянные очереди за продуктами – может стать поводом для мощного народного возмущения...

лежит уже подписанный государем указ об этом, только без даты – чтобы его в любой момент можно было пустить в ход). Приезжают возмущённые правые члены Государственного совета Н.А. Маклаков⁶, А.А. Ширицкий-Шихматов, настаивают на роспуске Думы. Окончательное решение совета министров – распустить её с понедельника.

Переписка

В Царское Село императрице днём приходит написанная накануне ночью, после заседания совета министров, записка от Протопопова: предприняты аресты революционеров, самых главных вожаков. Городской голова не справился в городской думе с дерзкими речами – и он, и ораторы будут привлечены к ответственности. Вообще принимаются энергичные строгие меры, и в понедельник будет уже всё совершенно спокойно. Тем не менее она посылает в Ставку телеграмму со словами «очень беспокоюсь относительно города».

Никаких официальных телеграмм в Ставку весь день не приходит, только утром подана вчерашняя телеграмма ген. Хабалова о событиях 23 и 24 февраля: бастующих рабочих около 200 тысяч, забастовщики снимали работающих насильственно, останавливали трамваи, били стёкла в трамваях и лавках, прорывались и к Невскому – но были разогнаны, причём войска не употребляли оружия. Поздно вечером приходит телеграмма военного министра Беляева: некоторые воинские части отказываются употреблять оружие против толпы и даже переходят на сторону бунтующих рабочих; но всё будет усмирено.

Император посылает телеграмму начальнику Петроградского военного округа Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжёлое время войны с Германией и Австрией. Николай».

Председатель думы Родзянко посылает телеграмму начальникам фронтов: волнения в Петрограде принимают угрожающие размеры. Правительство в полном параличе и не способно восстановить порядок. России грозит позор, война не может быть выиграна, если не поручить правительство лицу, которому может верить вся страна. Начальник штаба генерал Алексеев (он вернулся в штаб только ради подготовки наступления, не завершив лечения тяжёлой болезни почек, чувствует себя неуверенно и слабо) не докладывает об этом вечером государю, откладывает на утро.

¹ Здесь и далее даты событий, происходивших до введения нового стиля в январе 1918 года, мы будем приводить по старому стилю, то есть так, как они были обозначены и воспринимались людьми в то время.

² В ноябре 1916 года новоназначенный министр внутренних дел Протопопов разработал план защиты Петрограда в случае волнений: к каждому из 16 районов прикреплялась своя войсковая часть и полиция. В случае критической ситуации полиция подчинялась военным.

³ Все цитаты в обзоре – из исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное Колесо».

⁴ В IV Думе объединял представителей шести парламентских партий, прежде всего кадетов, прогрессистов, октябристов и «прогрессивных русских националистов». В блок входили 236 думцев из 442, а также некоторые члены Государственного совета. Главное требование блока – создание «правительства народного доверия».

⁵ В то время существовало множество социалистических или близких к ним течений: партии социалистов-революционеров (эсеров), социал-демократов (эсдеков, разделившихся внутри себя на меньшевиков, межрайонцев и большевиков), народных социалистов (энесов, отрицавших путь террора), а также бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России).

⁶ Брат думца В. Маклакова.

Февраль 1917

Краткая хроника

Действие второе:
солдаты запасных полков

27 февраля, понедельник

События

Утром рота Волынского полка, где служит унтер-офицером Тимофей Кирпичников, сговорившись ночью не выходить и не стрелять, отказывается повиноваться офицерам. Убит начальник учебной команды штабс-капитан Лашкевич (чтобы не убежал и не рассказал о бунте). Солдаты выходят на улицу, стремясь вовлечь в мятеж другие роты и полки («чем больше созовём, тем меньше ляжет на нас»).

Полковник Висковский, командир Волынского полка, впадает в прострацию. Пытается связаться со штабом округа, но генерал Хабалов ещё не приехал и связи с ним нет (он спит и отключил телефон). Наконец Висковский обращается к изумлённым офицерам: «Господа, надо признать, что события вышли из нашего управления. Я рекомендую всем вам – разойтись по домам».

Волынцы присоединяют к себе роту преображенцев и часть Литовского батальона. Убито ещё несколько офицеров. С частью фабричных взбунтовавшихся солдат движутся по городу, продолжая присоединять к себе всё новых участников мятежа. Движущая сила бунта – страх: если остановятся, дадут себя захватить – будут повешены (бунт в военное время наказывается сурово). Образуется свирепая солдатская толпа, которой терять уже нечего. Первоначальный мотив («не хотим стрелять в народ») уже забыт, в толпе кричат «не хотим чечевицы» (войска начали в последнее время кормить чечевицей вместо гречки).

Генерал Хабалов вызывает находящегося в отпуске полковника Кутепова (больше в Петрограде на 160 тысяч войска нет способных возглавить сопротивление мятежникам боевых офицеров: все или ранены и находятся на лечении, или сами необстреляны) и приказывает ему оценить район от Николаевского (ныне Московского) вокзала до Литейного моста, сдвигая бунтовщиков к Неве. Кутепов отвечает: «Чтобы оценить такой район, мне нужно не меньше бригады» (т. е. несколько тысяч человек). Но ему дают одну роту, приказывая подбирать людей по дороге (он собирает несколько рот, всего полтысячи пехоты). Кутепову удаётся оценить пространство вокруг Литейного проспекта и уговорить часть солдат, вышедших из казарм, но не желающих включаться в бунт, присоединиться к его команде. По дороге к Литейному к отряду Кутепова присоединяется пулемётная рота, но оказывается, что все 12 пулемётов неисправны, их можно использовать только для вида. Все солдаты голодные (вчера не получили ужина, утром их тоже не накормили). В течение всего дня Кутепов не получает ни одного распоряжения. Ближе к вечеру на основную роту отряда Кутепова, угонявшая солдат не стрелять, надвигаются толпой мятежники. Рота не стреляет и захвачена, прапорщики убиты. В результате захвачен Литейный, вся оборона Кутепова рухнула, он с остатками верных солдат скрывается в доме Мусина-Пушкина, где располагается одно из отделений Красного креста. Оставив там раненых, он распускает остальных солдат со словами: «Солдаты! От имени Государя императора... и от имени России... я благодарю вас за вашу честность и стойкость сегодня. Я – всех наградил бы вас Георгиями... но не имею возможности даже представить... Враг делает лютые дела: наносит нам удар в спину в середине Великой войны. Я вынужден всех вас сейчас распустить. Пойдёте по улицам, вернётесь в казармы, не можете сопротивляться – хотя б не поможайте врагу!...» Это был единственный отряд в городе, который сопротивлялся бунтовщикам.

За день в городе захвачено семь тюрем: Дом предварительного заключения, Кресты, Литовский замок, Женская тюрьма на Арсенальной набережной, Военная тюрьма на Нижегородской улице, Пересыльная тюрьма и Арестный дом близ Александровской лавры. Кроме политических на свободу выходит

множество уголовников. Начинаются грабежи и поджоги.

В течение дня подожжены Окружной суд и здание женской тюрьмы, губернское Жандармское управление, Главное тюремное управление, Охранное отделение, почти все полицейские участки, здание полицейского архива у Львиного мостика. Подожжена пожарная каланча – пожарники не захотели присоединиться к восставшим. На следующий день будет разграблен и подожжён дом 80-летнего министра двора графа Фредерикса.

Громятся патронные склады и оружейные магазины, захвачен Арсенал. В центре нигде не остаётся складов боеприпасов, кроме захваченных мятежниками (это значит, что практически без патронов остаются верные войска).

По всему городу захватываются легковые автомобили и грузовики.

Мятежниками захвачен Финляндский вокзал.

Офицеров разоружают, тех, кто сопротивляется (а отдать оружие – значит быть обесчещенным), убивают. Убивают офицеров и при вовлечении новых частей в мятеж.

А.Ф. Керенский⁷ и о роспуске Думы, и о восстании запасных узнает из телефонных звонков ещё у себя на квартире утром, – и ещё с квартиры звонит знакомым, просит повлиять на войска, чтоб бунтовали и дальше – и чтобы шли к Государственной думе. В течение всего дня во всех ситуациях, когда солдаты хотят ворваться в Думу, Керенский (а иногда ещё и Н.С. Чхеидзе⁸ и М.И. Скобелев⁹) выступают перед ними, приветствуя «революционный народ». Керенский выбирает из толпы случайных солдат, которых объявляет караулом Думы. Постепенно к резиденции Думы – Таврическому дворцу – как к некоему центру событий стягивается часть мятежников и захваченных ими автомобилей.

На улицах к взбунтовавшимся солдатам присоединяется часть горожан. Многие из них испытывают ликование: наконец-то свершилась долгожданная революция! Из лавок вытаскивают свертки кумача, его прикрепляют к груди, к винтовкам, к захваченным автомобилям и грузовикам. Повсеместные выстрелы в воздух (и от рикошетов – раненые и погибшие; это воспринимается как результат выстрелов засевших где-то полицейских).

По всему городу жестоко преследуют и убивают приставов, околоточных, жандармов, иногда вместе с семьями: «И весь вечер и ночь Петроград ловил и убивал свою полицию. По ночному времени, далеко не отводя, убивал на улицах, топил в прорубях Обводного канала. Снаряжались автомобильные экспедиции за городскими...» Но эйфорически настроенная либеральная интеллигенция или не видит, или старается не замечать тяжёлых и жестоких эпизодов. Впрочем, и настроение толпы не везде одинаковое: в некоторых местах она ведёт себя более мирно.

На Дворцовую площадь выходят не вовлечённые пока в мятеж преображенцы, а через какое-то время к ним присоединяются пришедшие с оркестром павловцы, рота измайловцев и гвардейский экипаж великого князя Кирилла Владимировича. Генерал Занкевич, только что назначенный командовать всеми войсками в Петрограде, выходит к ним с пламенной речью (он сам павловец), но поговорив с офицерами Преображенского полка, понимает, что поддержки от них ждать невозможно: они заявляют, что не пойдут против Государственной думы (а это значит, что на них нельзя надеяться – ведь мятежники стягиваются к Думе и начинают воспринимать её как некий легитимный центр бунта). Постояв несколько часов на морозе без какого бы то ни было дела или задания, войска понемногу расходятся по казармам.

В конце дня не захвачен только Адмиралтейский остров.

Глава верхней палаты российского парламента – Государственного совета – И.Г. Щегловитов арестован каким-то 19-летним студентом при содействии кучки солдат и привезён в Таврический

дворец. М.В. Родзянко хочет его освободить, но солдаты не отдают ему арестованного. А.Ф. Керенский объявляет И.Г. Щегловитова арестованным, отводит его в министерский павильон и запирает там на ключ¹⁰. К концу дня и вечером небольшие вооружённые кучки (во главе всегда студент) бросились по квартирам министров – арестовывать их, но почти никого не нашли.

М.В. Родзянко приезжает в резиденцию совета министров и Государственного совета – Мариинский дворец – на встречу с правительством и вел. кн. Михаилом Александровичем. Он настойчиво просит Михаила Александровича принять диктатуру, отправить правительство в отставку (но оказывается, что министры ещё час назад сами послали государю коллективную просьбу об отставке), просить у государя «ответственное министерство»: ещё есть время собрать непоколебленные части. Под общим напором Родзянко и министров Михаил Александрович соглашается спросить у императора по телефону разрешения на это (получает отказ).

Оставшиеся в Таврическом дворце после известия о роспуске Думы главы фракций Прогрессивного блока и более левые, в основном социалисты, обсуждают, брать ли власть. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко долго не соглашается с решением взять власть, хотя и потрясён резким отказом императора вел. кн. Михаилу Александровичу на просьбу дать тому особые полномочия. Наконец просит дать ему подумать четверть часа в одиночестве. Он колеблется, и неожиданный звонок от одного из офицеров Преображенского полка председателю бюро Прогрессивного блока Шидловскому с просьбой передать, что офицеры-преображенцы безусловно поддерживают Думу, склоняет Родзянко подчиниться общему давлению. Временный комитет думы (о том, как появился Временный комитет, см. далее в разделе «Совещания») выступает с заявлением: при тяжёлых условиях внутренней разрухи, вызванной банкротством старого правительства, Временный комитет Государственной думы вынужден взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка, при этом выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, которое бы соответствовало желаниям населения и пользовалось бы его доверием. Заявление передано собравшимися в Думе журналистам (они хотят выпустить свой бюллетень, т. к. газеты не выходят).

В Думу отовсюду продолжают приходить вести, что взбунтовавшиеся разбойничают, бьют или убивают офицеров, бессмысленно портят имущество, обыскивают частные квартиры. Временный комитет пишет второе воззвание, призывающее население щадить общественные учреждения и людей: пролитие крови и разгром имущества лягут пятном на совесть людей, совершивших подобные деяния.

Временный комитет Думы назначает военным комендантом Петрограда думца, бывшего полковника Генерального штаба Энгельгардта. Он возглавляет уже организованный к этому моменту социалистами военный штаб¹¹, уже несколько часов располагающийся в кабинете заместителя председателя Думы Некрасова.

В Таврический отовсюду приносят и складывают продовольствие и оружие. Дворец наполняется отбывшими от своих солдатами, а также «людьми общественного Петербурга». Большинство тех, кто собрался, а также члены Думы позже остаются ночевать на полу, на диванах, стульях, сидя в креслах.

В Могилёве, в Ставке, император назначает генерала Н.И. Иванова начальником округа вместо Хабалова. Ему дают восемь фронтовых полков с тем, чтобы он восстановил порядок в Петрограде. Ген. Алексеев, знающий ген. Иванова как не подходящего для этой задачи трусоватого человека, не решается спорить с императором, зная, как болезненно тот воспринимает вмешательство в его кадровую политику.

«В толпе человек перестаёт быть самим собой, и каждый перестаёт думать трезво. Чувства, крики, жесты – перенимаются, повторяются как огонь. Кажется: толпа никому не подчиняется? – а легко идёт за вожаком. Но и сам вожак вне себя и может не сознавать себя вожаком, а держится – на одном порыве, две минуты, и растворяется вослед, уже никто. Лишь уголовник, лишь природный убийца, лишь заряженный мстостью – ведёт устойчиво, это – его стихия!» («Красное Колесо»)

После телефонного запроса обергофмейстера графа Бенкендорфа императору, не желает ли он, чтобы Ея Величество с детьми выехали ему навстречу? (у детей императорской четы тяжёлая корь, у кого-то с температурой под 40, но в течение дня несколько человек советовали Александре Фёдоровне немедленно уезжать из Царского Села и увозить детей; на станции на всякий случай приготовили к отъезду поезд), Николай II решает выехать из Ставки в Царское Село не с утра, как он собирался, а немедленно; генерал Алексеев пытается его отговорить от этой поездки; то же – оставаться при верных войсках, не ехать в Петроград – советовал во время недавнего разговора по телефону с Алексеевым и вел. кн. Михаил Александрович. Император воспринимает это как бесцеремонное вмешательство в его личные дела.

Получив уже ночью паническую телеграмму от Хабалова (см. раздел «Перепи-ска»), император вызывает ген. Иванова и велит ему утром передать ген. Алексееву, чтобы тот протелеграфировал совету министров: все требования ген. Иванова необходимо исполнять немедленно (фактически его назначают военным диктатором). Тот продолжает труситься и думает, как бы оттянуть приезд в Петроград, а пока ложится спать.

Весь день сопротивляются захвату 1-й запасной полк на малой Охте, Финляндский и Самокатный батальоны.

К концу дня закрылись все учреждения, не работают кинематографы, театры.

По квартирам неизвестные личности ходят как бы с обысками («нет ли офицеров?») и грабят. Разграблен Мариинский дворец, разгромлена гостиница «Астория».

У казарм, куда уже хотят вернуться на отдых солдаты, стоят рабочие и студенты с винтовками и не пускают солдат в их собственные казармы, заставляя оставаться на улицах.

Ночью вокруг Таврического остаётся очень немного войск. При желании правительственные войска могли бы захватить здание Государственной думы с одной ротой.

Ген. Хабалов думает распространить новое заявление – о том, что город объявлен на осадном положении; но страшно для этого ходить по мятежному городу. Распечатанное объявление просто разбрасывают рядом с Адмиралтейством (куда сбились остатки верных войск и оставшихся в живых полицейских). Все эти люди надеются, что надо продержаться ещё сутки, и с фронта придёт большая помощь.

Эскадроны гвардейской конницы, прибывшие по распоряжению императора из-под Новгорода, передают офицерам через выборных, что без еды и фуража не могут оставаться в Петрограде (прибывшие войска, как и собственные, оставшиеся верными, не кормят) и едут обратно.

Совещания

Государственная дума: В Думу послан высочайший указ о её роспуске (если точнее, то о перерыве её занятий до середины апреля), но место её заседаний, Таврический дворец, не заперт (как это было при роспуске I и II Думы). Руководители и значительная часть представителей правых фракций уходят, но оставшиеся думцы (около 300 человек из 442) решают не расходиться, хотя и не возобновлять

занятий (это было бы бунтом со стороны Думы). Совещание лидеров оставшихся фракций решает не функционировать как Дума, но и не разбегаться. Они зовут депутатов в предназначенный для частных совещаний Полуциркульный зал. В президиуме – так называемый Совет старейшин или Сеньорен-конвент, состоящий из представителей фракций. Все долго колеблются, но когда в зал вбегает с криком взерошенный начальник думской охраны и просит о защите, крича, что мятежные солдаты хотят ворваться, кого-то ранили, а его самого спрашивают – с народом он или против, решают без голосования: для того, чтобы противодействовать развалу – сохранить единство без различия партий и создать из членов Думы временный комитет (по составу это совет руководителей оставшихся фракций). Но этому комитету не предоставлять заранее никаких полномочий, а смотреть по ходу событий.

Совет министров, первое совещание. Министры собираются медленно, после полудня собралось шесть-семь человек. Министр иностранных дел Н.Н. Покровский спрашивает, так как же быть с отставкой правительства, о которой они вчера договорились с В.А. Маклаковым и Н.В. Савичем, а также рассказывает, что у него утром был французский посол Морис Палеолог и настаивал на ответственном министерстве. А.Г. Протопопов задерживается; когда он появляется, к нему все обращаются с упреками: он ввёл всех в заблуждение своими успокоительными заверениями. Приезжает Хабалов, его тоже отчитывают. Приходит слух, что по Пантелеимоновской движется толпа; министры решают разойтись по одному, а встретиться в три часа дня в Мариинском.

Совет министров, второе совещание: Около четырёх часов дня министры собираются в Мариинском и дружно договариваются Протопопова уйти, думают, что тогда все успокоятся; тот уступает давлению и разрешает объявить себя больным. Но по ходу совещания поступают всё более страшные и тревожные сообщения, и в результате правительство шлёт императору прошение об общей отставке.

Совет рабочих депутатов: Социалисты спрашивают у М.В. Родзянко разрешения встретиться в комнате № 13 Таврического дворца с товарищами, вышедшими из тюрьмы. Он разрешает. На этом собрании социалисты разных партий решают, что нужно создать по образцу 1905 года Совет рабочих депутатов. На собрание Совета приходят члены Временного комитета Думы Чхеидзе (избран председателем Совета) и Керенский (избран заместителем¹²). Совет создаёт продовольственную, литературную и военную комиссии. Исполнительный комитет Совета¹³ в четыре часа утра ищет, где засесть: все помещения, столы, пол заняты спящими думцами и солдатами. Наконец устраивается в зале заседаний в ложе прессы и решает под давлением большевика Шляпникова вооружить десятую часть рабочих.

Телефонные звонки и переписка

Утром звонок градоначальника Балка министру внутренних дел Протопопову: бунт беспрепятственно быстро разрастается, захватил уже и Выборгскую сторону, мятежниками захвачен Финляндский вокзал. Против волнений держится единственный отряд полковника Кутепова, но поздно уже возлагать на него надежды. К вечеру в столице может наступить полная анархия. **Протопопов отвечает (хотя у него нет такой информации!):** «К вечеру подойдут с фронта свежие войска. Продержитесь ли вы до вечера?» **Градоначальник обещает продержаться.**

Родзянко посылает телеграмму императору: Повелите, Государь, в отмену Вашего высочайшего указа, вновь созвать законодательные палаты... призвать новое правительство... Государь, не медлите! Если движение переберется в армию – восторгствует немец, и неминуемо крушение России, а с нею и династии...

В Царское Село весь день не приходит никаких официальных известий, но случайные новости ужасны. Императрица шлёт в Ставку три телеграммы: «Революция вчера приняла ужасающие размеры... Известия хуже, чем когда бы то ни было»; «Уступки необходимы. Стачки продол-

жаются. Много войск перешло на сторону революции»; «Окружной суд горит». *(Солженицын считает, что телеграммы были кем-то перехвачены и не дошли до адресата).* В девять часов вечера в Царское Село приходит телеграмма от императора: я выезжаю, а из Новгорода в Петроград отправлена конная гвардия.

В Ставке к полудню новых телеграмм нет, генерал Алексеев читает императору воскресное донесение Хабалова о субботе (пришлось открыть огонь, убито трое, ранено десять, толпа рассеялась мгновенно, утром 26-го все спокойно) и посланную накануне тревожную телеграмму Родзянко начальникам фронтов (Николай II не принимает её всерьёз: Родзянко всегда кричит, что ситуация дошла до края, да и как могли быть из одного и того же города в один и тот же час такие разные известия?). После обеда перед прогулкой императору подают свежую телеграмму от ген. Хабалова: в городе бунт, принимаем меры, но нужны свежие части.

Телефонный разговор вел. кн. Михаила Александровича с генералом Алексеевым. Михаил Александрович просит передать императору его просьбу об особых полномочиях и о назначении главой правительства «лица, облечённого доверием».

В десять часов вечера военный министр Беляев звонит помощнику дворцового коменданта генералу Гротену и передаёт совет Родзянко, чтобы императрица увозила детей из Царского Села, завтра может быть уже поздно. *Так как дети тяжело больны, она телеграфирует в Ставку, требует указаний.*

Телеграмма кн. Голицына с прошением об отставке правительства и введении осадного положения задержана на 5 часов, пришла только к ночи.

Император отвечает: вел. кн. Михаилу Александровичу – отказом; министрам – отказом (не менять правительство!), Александре Фёдоровне – ни под каким видом не ехать!

Ночью в Ставку приходит новая телеграмма от ген. Хабалова: войска не сопротивляются мятежникам, братаются с ними, в городе анархия.

Генерал Алексеев всю ночь рассылает телеграммы командующим фронтами, старается усилить чем можно отряд ген. Иванова.

Ночью министр обороны Беляев звонит председателю Думы Родзянко и предупреждает того, что на Петроград идут восемь боевых полков.

28 февраля, вторник События

На сторону мятежников переходит одна военная часть за другой (часто это по-прежнему сопровождается убийством офицеров, в некоторых полках до пятнадцати жертв). Полки строем с музыкой приходят в знак своего «присоединения к революции» к Таврическому дворцу.

Те части, которые упорно сопротивлялись, захвачены. Командир крейсера «Аврора» и два старших офицера убиты, крейсер «присоединился» к мятежникам. Из пушек беспощадно расстреляны семь самокатных рот в деревянных бараках (в эти части отбирались самые смыслённые солдаты, способные справиться с техникой). С середины дня не осталось неприсоединившихся частей.

С утра возобновились поиски городских. Те из полицейских участков, что вчера не сожжены, сжигают теперь. Постоянные слухи о полицейских, стреляющих с чердаков (в том числе и из пулеметов), но когда их пытаются найти и обезвредить, их никогда не находят.

Межрайонцы собрали отдельную команду – ловить офицеров поодиночке и убивать. Если накануне офицеров убивали чаще всего солдаты, то теперь за ними охотятся и стремятся растерзать с руганью и матом «вольные», а солдаты иногда заступаются за своих офицеров и передают их тем, кто готов довезти их как арестованных до Думы. По воспоминаниям переживших эти события офицеров, главной чувством при столкновении с этой бешеной ненавистью – изумление («мы умирали за эту страну – за что она нас ненавидит?»).

В одной из комнат Таврического – длинная очередь арестованных офицеров, трое неизвестно откуда взятых людей «проверяют» их, обыскивают и решают –

кому дать охранное удостоверение, что он под защитой Думы, а кого задержать. Военная комиссия уговаривает офицеров возвращаться в батальоны, получив от Думы охранное удостоверение.

Двери и окна многих магазинов наглухо забиты досками, на зеркальных окнах дырочки с расходящимися трещинами от пуль.

С телефонной станции утром разбежались все барышни. Распоряжение Родзянко: надо собрать барышню и убрать труп, лежащий в помещении станции.

Около полудня бывшего командующего округом ген. Хабалова, министра обороны Беляева, градоначальника Балка и оставшихся с ними людей (около 1000 человек) морской министр Григорович просит в течение 20 минут уйти из Адмиралтейства, где они приютились со вчерашнего дня (пришёл ультиматум от восставших: не уйдут – будем стрелять из Петропавловской крепости; она сдаётся, над ней уже красный флаг). Общее решение: выходить с оружием невозможно, будет бессмысленное кровопролитие. Нужно оставить оружие и разойтись по казармам и по домам (последнюю полицию градоначальник Балк распустил ещё утром, иначе она не вышла бы невредимой). Сами генералы остаются в чайной на третьем этаже Адмиралтейства и ждут ареста. Наконец их арестовывают и везут в министерский павильон Таврического, где уже сидят те министры, которых успели поймать, а рядом с павильоном на стуле – митрополит Питирим, епархиальный архиерей Петрограда (ему стало плохо, и его отпускают). Арестованным (среди которых три премьер-министра – один нынешний и два предшествовавших, председатель и некоторые члены верхней палаты российского парламента – Государственного совета) запрещают разговаривать, ложиться на диваны, вставать без разрешения. Всего же в Таврическом уже несколько сотен «мелких» и несколько десятков «крупных» арестантов. Всех приводят в Думу по своей инициативе бойкие товарищи (часто – студенты) в компании взбунтовавшихся солдат. А один из арестантов пришёл в Думу сам – это министр внутренних дел Протопопов.

Думец Бубликов (бывший инженер-путеец) добивается от Родзянко полномочий захватить Министерство путей сообщения и делает это, набрав из слоняющихся в Таврическом и вокруг него офицеров и солдат команду. По распоряжению Бубликова взяты под контроль ведущие к Петрограду пути: военные поезда приказано не подпускать ближе 250 км, царский поезд – отслеживать и загнать в Петроград (у Бубликова наполеоновские планы: загнать, чтобы арестовать царя).

В обществе переворот воспринимается как респектабельный: Государственная дума дала ему своё имя.

Во главе военной комиссии становится А.И. Гучков; он приглашает к работе в комиссии некоторых офицеров Генштаба. Они строят планы, как нейтрализовать ген. Иванова: нужно выслать ему навстречу знакомого для «объяснения положения» («Дума справляется с ситуацией, зачем проливать кровь?»).

Оба дня на улицах не видно священников. В толпе всё больше пьяных. По городу бродят шайки подростков.

Временный комитет Думы предпринимает попытки навести в городе хоть какой-то порядок, студентов записывают в городскую милицию, солдат призывают вернуться в казармы и с миром принять офицеров. А кто-то рвется раскачивать ситуацию и дальше – по казармам ходит прокламация: революцию 1905 года украли офицеры, украдут и нынешнюю, если солдаты не дадут им урока.

Родзянко шлёт доверенного человека к английскому послу лорду Бьюкенену и французскому послу Морису Палеологу. Оба (пока неофициально) передают, что признают Временный комитет Государственной думы единственным законным правительством и советуют сменить самодержавный строй на конституционный.

В два часа ночи царский поезд, узнав, что впереди мятежники, поворачивает от ст. Малая Вишера и идёт в обход в сторону узловой станции Дно.

Совещания

С утра заседает исполком Совета и уже

думает, кто и как его будет финансировать. Возмущается, что тексты воззваний думского комитета не были согласованы с Советом.

Среди ограниченного круга думцев начинаются под руководством Милокова переговоры о составе будущего правительства.

Телефонные звонки и переписка

Ген. Хабалов утром телеграфирует ген. Алексееву, что положение трудно до чрезвычайности, верных долгу осталось 600 человек пехоты, 500 всадников, 15 пулеметов, 12 орудий и только 80 снарядов.

Утром обер-гофмаршал императорского двора Бенкендорф из Царского Села звонит Родзянко: здоровье наследника в очень серьёзном положении и императрица просит безопасности в районе дворца в такой смутной обстановке. **Родзянко отвечает:** Граф! Когда горит дом – прежде всего выносятся больных.

Ночью с 27-го на 28-е телеграмма министра Беляева в Ставку: захвачен Мариинский, часть министров скрылась, часть арестована. **Ночью же телеграмма императору от членов Государственного совета:** народные массы доведены до отчаяния, глубоко в народную душу запала ненависть к правительству и подозрения против власти... Необходимо изменить направление внутренней политики, отставить нынешнее правительство и поручить формирование нового. **Обе телеграммы переданы императору лишь в середине дня.**

Из телеграммы, разосланной Бубликовым от имени Родзянко по автономной телеграфной сети железнодорожных путей: Старая власть, создавшая разруху всех отраслей государственного управления, оказалась бесцельной. Государственная дума взяла в свои руки создание новой власти.

Телеграмма Родзянко командующим фронтами: создан Временный комитет Государственной думы, он имеет цель взять в свои руки анархические события и осуществлять управление.

Телеграмма Родзянко командующему Московским военным округом Мрозовскому: старого правительства в Петрограде не существует, правительственная власть принята комитетом Думы под моим председательством. Предлагаю Вашему высокопревосходительству немедленно подчиниться. За кровопролитие будете отвечать головой. Министр внутренних дел арестован.

В 6 часов вечера императорский поезд проезжает через Ржев. Получена телеграмма Беляева, пересланная Алексеевым: последние верные войска распущены. **В девятом часу вечера в Лихославле получена его же сильно запоздавшая телеграмма, более ранняя:** верные войска под влиянием утомления и пропаганды бросают оружие, а частью переходят на сторону мятежников. Офицеров разоружают. Действие министров прекратилось. **Там же получена успокаивающая телеграмма от императрицы. В ответ отправлена телеграмма:** «Рад, что у вас благополучно. Завтра утром надеюсь быть дома. Обнимаю тебя и детей. Храни Господь. Ники».

Хроника подготовлена А. Колымагиной по материалам эпопеи «Красное Колесо»

⁷ Лидер парламентской фракции трудящихся.
⁸ Лидер парламентской фракции меньшевиков.
⁹ Один из членов парламентской фракции меньшевиков.

¹⁰ С 1 марта один год находился в заключении в Петропавловской крепости. Жертва Красного террора: расстрелян 5 сентября 1918 года.

¹¹ Социалисты в эти дни везде оказываются несравненно шустрее кадетов: вечером они уже думают о местной власти (назначают комиссаров в некоторые районы), моментально создают Совет рабочих депутатов и т. п.

¹² Вторым заместителем назначен Скобелев.
¹³ Этот орган, первоначально состоявший из 14 человек, представителей различных социалистических партий (в основном интеллигентов), теперь становится одним из главных катализаторов распада страны.

Полки, «присоединившиеся к революции», приходят к Думе с красными знаменами (их офицеры к этому времени часто арестованы или убиты, или же, подавшись угрозам, идут с полками, нацепив красные банты)

Всё, что перевернуто вверх дном, нужно просто взять и поставить на место

Начало на с. 1

Фрагменты ток-шоу медиацентра Высшей школы экономики «В точку!», посвященного возвращению Исаакиевского собора

А какие ещё есть причины?

Священник Георгий Кочетков: Причин, я думаю, много. Трудно приходиться в такой огромный храм, тем более, когда он носит все следы музея. Я очень хорошо помню, как я попал туда в первый раз в начале 1965 года, а потом в 1972 году, после института. Это было, как вы понимаете, давно – для вас, наверное, очень давно. Но я очень хорошо помню, что там было. Там мотался маятник Фуко. Я ничего против Фуко не имею, и против маятника тоже. Но в храме это смотрелось дико, это была именно *дикость* – советская дикость. И я помню это впечатление до сих пор. Неужели мы хотим возвращения того же – таких же музеев? Наверное, нет. Потому что всё должно быть на своих местах. Всё, что сдвинулось, всё, что перевернуто вверх дном, нужно просто взять и поставить на место.

Церковь сейчас хочет вернуть то, что было отобрано много-много лет назад. Но почему тогда она не хочет видеть в своей собственности небольшие храмы, те же самые памятники архитектуры, но маленькие, заброшенные? Мы нашли несколько примеров: храм святого пророка Елисея в Ленинградской области, или храм святой Троицы там же. Почему она берёт только крупные объекты?

Большой храм, а тем более Исаакиевский собор – это, безусловно, знак, символ. И здесь, действительно, не так важно, сколько прихожан, даже если бы их и не было вовсе. Дело не в этом. Церковь имеет ограниченные ресурсы – крайне ограниченные. О её финансовом положении вообще никто ничего толком не знает и никогда не узнает. К слову, в такой же закрытости заинтересованы все, и не только церковь, которая сейчас, к сожалению, во многом представляет собой как бы «комбинат бытового обслуживания». Когда я прочитал в интернете, что директор музея Исаакиевского собора господин Буров зарабатывает в месяц 564 тысячи, я всё-таки удивился. Хоть там и берут большие деньги за вход, и проводят массажи экскурсии, но всё-таки меня удивила эта цифра. И мне стало гораздо понятнее, что он теряет и почему так громко кричит. Если бы у вас была зарплата пусть даже не 564 тысячи, а просто 500 тысяч в месяц, я думаю, вы тоже волновались бы, если бы ваше кресло немножко пошатнулось. (Смех.)

А если всё-таки об РПЦ говорить – почему она не берёт некоторые храмы? Просто ограниченный ресурс, нет возможности?

Именно так, но в разных епархиях разная ситуация. Всё это связано ещё и с очень сложными отношениями

с государством и с разными государственными органами, которые хотят – помогают, не хотят – не помогают, хотя нравственно и по положению – должны помогать, ведь церковь не в состоянии за свой счёт поднимать <всё, разрушенное безбожной властью>. Есть епархии, где архиерей находит общий язык с государством, и поэтому там открыты почти все храмы. А есть и такие, где множество замечательных старинных храмов так и не возвращены церкви.

Если вход в Исаакий станет бесплатным, откуда возьмутся деньги, чтобы содержать такую громаду и произведения искусства, которые там сейчас находятся?

Только из государственного кармана, как это обычно и делается. Будет это явно или неявно – вопрос другой, но других вариантов нет. На самом деле и не

В апреле 1931 года в соборе был установлен маятник Фуко с длиной нити 96 м (снят в 1986 году и сейчас хранится в подвалах собора)

должно быть. Мы должны понимать механизм работы всякого общества. Общество и государство заинтересованы в сохранении памятников культуры. Если вы хотите, чтобы это было и музеем, если вы хотите, чтобы это было культурным явлением, а не только культовым, то платите. И это абсолютно нормально. Во всём мире дело обстоит именно так. Все дорогие реставрационные работы – и часто в более уникальных и куда более ценных памятниках, храмах, монастырях – всегда, конечно, оплачивает государство. Церковь в этом участвует, всячески помогает, но у неё нет возможности – и никогда не будет – всё это содержать только за свой счёт. Ещё одна возможность – искать спонсоров. А откуда они? Тоже известно откуда. Это часто не церковные, а околоцерковные круги, нередко связанные с теми или иными политическими силами и т. д. К сожалению, у нас церковь чрезвычайно зависима. Это уже наша особенность.

Можно ли скоординировать работу так, чтобы и музейная деятельность не пострадала, и службы в Исаакии велись в полном объёме?

Да, конечно, можно. Другое дело, что это кропотливая работа. Нужно договариваться, и договариваться всерьёз, потому что, конечно, везде есть неполадки, иногда самые тяжёлые и страшные.

Что творится в музейных фондах крупнейших музеев страны, мы с Александром Михайловичем Копировским очень хорошо знаем. И как к этому подчас относятся сотрудники, тоже знаем. Это отнюдь не то, что должно быть. Но и в церкви, к сожалению, тоже есть всё что угодно, в том числе и некультурные люди, ханжи, стяжатели, даже воры. Ведь церковь – это часть общества. Я знаю случаи, когда какой-нибудь не очень культурный, но очень удачливый по непонятным причинам священнослужитель становился настоятелем храма, ценного архитектурного памятника, где нужно всё сохранять нетронутым. У нас в стране остались крупницы того, что было, про Москву я уж и говорить не буду – ничего не осталось – он исходил из своих вкусов меняет барабан, меняет купол... Конечно, это несоизмеримо с тем, что делали большевики. Но всё равно это варварство, за которым должен быть настоящий контроль со стороны государственных и музейных органов.

Так что надо договариваться. А в случае чего всех, кто проявляет небрежение или варварство, штрафовать или применять к ним другие законные меры.

Видео можно посмотреть по адресу: https://www.youtube.com/watch?v=2l2n-n_dmE5
Фото на с. 1: фотограф Елена Кошеварова

Исаакиевское братство

Как жили прихожане собора до 1917 года

Исаакиевское братство появилось в Петербурге в 1896 году. Горячими сторонниками его создания были граф Илларион Воронцов-Дашков и особенно его супруга, статс-дама при императорском дворе. Это был их ответ на раннюю смерть любимого сына – открытие братства для «служения духовно-нравственным нуждам прихожан и богомольцев Исаакиевского собора», «оказания материальной помощи бедствующим лицам прихода» и «попечения о благолепии Исаакиевского собора и посильного служения его пользе». Одним из наиболее активных членов братства стал церковный историк, впоследствии губернатор Тавастгусской губернии в Финляндии Александр Папков. Он исследовал историю православных братств России, особенно в XVI, XVII и XVIII веках. Он же и составил устав Исаакиевского братства. Покровителем братства стал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

Об основании братства прихожанам собора рассказал его настоятель – прот. Пётр Смирнов, также бывший церковным историком. В первый же день в братство вступило несколько десятков человек, всего же к концу 1897 года в нем было 142 человека, среди них граф Орлов-Давыдов, княгиня Ольга Долгорукая, генерал Пётр Дурново и др. Помимо аристократических фамилий в братстве было много людей самых разных сословий и родов деятельности.

В столовой получали бесплатные обеды ежедневно до 30 человек и примерно столько же – за минимальную цену в 10–12 копеек за полный обед. Всего же за первые 17 лет существования братства было отпущено бесплатных и крайне

дешевых благотворительных обедов 368613 на общую сумму 42544 руб*.

Однако для братчиков было ценно не просто совершение добрых дел. «Первый год существования Братства справедливо можно назвать годом постепенного образования большой приходской семьи из многих лиц, разобщенных прежде, но теперь начинающих объединяться для общей христианской деятельности», – говорится в первом братском отчете. И действительно, даже самые состоятельные члены братства старались входить в его труд, не ограничиваясь денежными взносами: баронесса М.Л. Корф участвовала в его духовно-просветительской деятельности, княгиня Е.П. Урусова – в бесплатной помощи бедным больным, псаломщик А.И. Громов взял на себя обязанность устройства братского хора и т. д. Чуть ли не треть братства стала участвовать в церковном братском хоре, задачей которого было «под сенью братства в часы праздничного досуга славить Господа и назидать себя и других».

Однажды братчики обратили внимание «на горькую участь малолетних певчих соборного хора, которые с потерей голоса остаются совершенно на улице». И были открыты специальные классы для их обучения переплетному, столярному и токарному ремеслу, рисованию или церковной музыке. К концу первого года обучения мальчики уже могли делать собственноручно «висячую этажерку, скамейку под ноги, линейку, пюпитр, рамку и складной стул». Вскоре была открыта и школа для 20 беднейших девочек прихода, родители которых не могли оплачивать их обучение.

Члены братства сугубо молились за своих живых и усопших членов. Неко-

торые в память о своих усопших родных жертвовали большие суммы братству, а Александр Папков в память о своей почившей жене не только внёс крупное пожертвование, но и посвящал ей «часы досуга на пользу Братства».

С первых же месяцев своего существования братство ради духовного просвещения стало распространять в соборе по доступной цене иконы и книги. Наибольший спрос пользовались «Евангелия, молитвенники, богослужебные учебные книги, богослужебные сборники и описания Исаакиевского собора». Вскоре была открыта и библиотека, состоявшая из пожертвованных книг. В братской столовой проводились духовно-нравственные беседы для «людей бедных, простых, служащих и трудящихся в соседних домах». Проводил их будущий исповедник веры протоиерей Феодор Знаменский.

Первое время братчики надеялись, «что со временем все живущие в районе прихода замкнутою жизнью соединятся в общий братский союз, поймут задачи и цели братства, будут по возможности служить своими советами, указаниями и собственными трудами общему делу, и тогда благо дело братской помощи не останется на одном лишь удовлетворении телесных нужд бедных прихожан, а направится к удовлетворению высших духовных потребностей прихожан и богомольцев собора». «Служение духовным нуждам верующих должно составить первую и главную задачу братства. Дай Бог, чтобы братство при постоянном достижении сей задачи не ограничивалось Исаакиевским приходом, но выступало за пределы его... Жатвы будет много; да послет Господин жатвы и жателей многих и способных к тому». Однако число братчи-

ков никогда не превышало 200 человек.

С началом Первой мировой войны братство стало организовывать помощь нуждающимся семьям ушедших на войну и увечным воинам. Была открыта мастерская-убежище на 30 человек, в которой воинов-инвалидов обучали портновскому ремеслу. По благословению митрополита Владимира (Богоявленского) в мастерскую принимались воины не только православного, но и инославных и иноверных исповеданий.

История существования Исаакиевского братства обрывается 1917 годом. Известно, что его основательница Елизавета Воронцова-Дашкова была посажена в тюрьму в послереволюционное время, однако впоследствии смогла выехать за границу, где умерла своей смертью. Протоиерей Феодор Знаменский был дважды арестован в советское время, он не вернулся из Котласской ссылки, в которую был отправлен на 10 лет в 1931 г. Александр Папков, специалист по истории православных братств, был членом Поместного собора 1917–1918 гг., скончался в 1920 г.

Анастасия Наконечная
* Отчет о деятельности С-Петербургского Православного Исаакиевского братства за 1913 г. С. 40.

Справка
Исаакиевский собор в своем нынешнем виде (в здании, построенном по проекту архитектора Монферрана) был освящен в 1858 году и стал кафедральным собором столичной Петербургской епархии. В 1917 году храм был разорен. В 1922 году его настоятель протоиерей Леонид Богоявленский был арестован, а храм стал обновленческим. В 1928 году службы были прекращены, а в 1931 году в соборе был открыт один из первых в Советской России антирелигиозных музеев. С 1948 года и по сей день здание функционирует как музей «Исаакиевский собор». Зарегистрированная с 1991 года община получила возможность совершать в здании богослужения (они проводятся ежедневно кроме среды).

«Все до единого удерживали меня от этого шага»

Из дневников святителя Николая Японского

Архиепископ Николай Японский (в миру — Иван Дмитриевич Касаткин) родился в Березовском погосте Бельского уезда Смоленской губернии в семье дьякона. Окончил Бельское духовное училище и Смоленскую духовную семинарию. В числе лучших учеников в 1857 году за казенный счет был отправлен в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1860 году, узнав, что есть вакансия на должность настоятеля церкви при недавно открытом русском консульстве в городе Хакодате (Япония), подал заявку и был избран для этого служения. Тогда же принял постриг.

2 июля 1861 года прибыл в Хакодате. Первые свои годы в Японии самостоятельно изучал японский язык, культуру и быт японцев и занимался открытием подворья Русской православной церкви. Первым японцем, обращенным в христианство о. Николаем в 1868 году, стал синтоистский священнослужитель Такума Савабэ, бывший самурай, пришедший в дом к о. Николаю, чтобы убить его, так как считал, что христианство — средство, используемое другими государствами для захвата Японии. Но

святитель остановил его, сказав, что нельзя судить о каком-либо предмете, не зная его. Это заинтриговало синтоиста. Впоследствии он часто беседовал с о. Николаем, а затем принял православие и в конце концов стал священником. К 1870 году православная община Японии насчитывала свыше 4 000 человек, а к 1912 году — около 33 тысяч человек и 266 православных общин.

Отец Николай перевёл на японский язык Священное Писание, другие богослужебные книги, создал духовную семинарию, начальные школы для девочек и мальчиков, библиотеку, приют. Издавал православный журнал «Церковный вестник» на японском языке. 8 марта 1891 года был освящен кафедральный Воскресенский собор (называемый японцами Николай-до).

После кончины архиепископа Николая в феврале 1912 года японский император Мэйдзи лично дал разрешение на захоронение его останков в пределах города, на кладбище Янака.

Сегодня в нашем номере мы публикуем фрагменты дневника свт. Николая, относящиеся к разным годам его служения в Японии.

15/28 мая 1881. Пятница.

В Асикага.

Чтобы не забыть — записать, что нужно будет внушить на Соборе (катехизаторам):

1. Не допускать к крещению без знания наизусть Символа, Молитвы Господней и 10 заповедей. Прежде и было это внушаемо, да забыли, и правило упало. Вчера в Мидзунума — как посмотрел — крестится молодой человек без малейшего понятия о Символе — наизусть.

2. Приготавливаемых к крещению, кроме того, научить предварительно хорошо делать крест; иные и давние христиане — не умеют креститься. Должны также наставить катехизаторы — как носить крест на шее; многие видны без крестов, которые сняты и повешены дома на стенке, или же вешают кресты на длиннейшей нитке; наставить — как принимать благословение у священника, — не креститься пред благословляющим человеком, сложить руки и пр. — Наставить, как держать иконы в доме, не развешивать их в разных местах — по разным стенам одной и той же комнаты.

Окончание на с. 2-4

О принципах и методах современной миссии

26–27 января в рамках Рождественских чтений работала секция, посвященная миссионерскому служению Русской православной церкви

Работа направления открылась конференцией «Миссия Церкви в современном мире», к участию в которой были приглашены руководители и заместители руководителей епархиальных миссионерских отделов, а также приходские миссионеры. Сопредседателями конференции выступили епископ Городецкий и Ветлужский Августин и протоиерей Александр Короткий, заместитель председателя Синодального миссионерского отдела. На конференции обсуждался широкий круг вопросов, посвященных внутренней и внешней миссии Церкви, миссионерским проектам епархий, миссии в СМИ, миссии среди молодежных субкультур, противосектантской миссии, а также вопросы, связанные с противодействием неоязычеству.

Потом работа направления продолжилась в формате круглого стола «Путь святителя Николая: от Березы до сакуры. К 180-летию св. равноап. Николая Японского», на котором обсуждались принципы и методы миссионерской деятельности свт. Николая Японского, и семинара «Принципы и методы миссии среди коренных и малочисленных народов России, а также их пастырское окормление». Модератором семинара, одной из главных тем которого стало миссионерское богослужение, был игумен Агафангел (Белых).

27 января работа началась с круглого стола, посвященного теме миссионерского образования, в частности, перспективе открытия епархиальных центров по подготовке приходских специалистов. Завершило работу направления совещание руководителей епархиальных миссионерских отделов под председательством митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна, председателя Синодального миссионерского отдела. В совещании приняли участие представители 162 епархий Русской Православной Церкви. В формате живого диалога между председателем синодального отдела и руководителями епархиальных отделов обсуждались текущие вопросы развития миссионерских проектов.

Еще одним мероприятием Синодального миссионерского отдела в рамках Рождественских чтений стал проведенный совместно с СФИ круглый стол «Миссионерское богослужение».

По материалам сайта Синодального миссионерского отдела

«Все до единого удерживали меня от э

Начало на с. 1

3. Снабжаться катехизаторам книгами для раздачи даром, если кто не может платить; но вообще всем иметь заботу, чтобы по крайней мере краткий катехизис и молитвенник были в каждом доме, первый же – у каждого ребенка, умеющего читать. При этом внушать родителям, чтобы они заставляли детей учить катехизис. Катехизаторы д. [должны] быть озабочены, чтобы дети знали его, и притом разумно. Благочинный при объездах и Епископ впоследствии будут экзаменовывать детей по Церквам, и родителям будет стыдно, а катехизаторы будут виновны в небрежении, если дети не будут знать катехизиса.

22 июня/4 июля 1884. Пятница.
(В речи катехизаторам) Все вы, когда выходите из школы – ревностны. Отчего? Благодать, призваемая вашим желанием, возбуждает вас и дает огонь; кроме того, смирение еще есть у вас, которое и не мешает действовать благодати. Что же значит, что послужа вы слабеете? Дух угасили, обленились, а иногда и возгордились, – благодать и оставила вас. «Духа не угашайте», – вот средство, ревность не ослабляйте. Скажете – трудно? А вы хотите только легкого труда, хотите пряников всегда по-детски, – не хотите возрастной пищи, хотите широкого пути, – а указываемый Спасителем узкий путь вам не по вкусу, – а крест нести и за Спасителем идти не нравятся. Если окончательно так, то лучше не служить. Но ведь не так? А просто слабость? И подумайте такой труд-то именно – самый не трудный на свете; всегда одно и то же говорить надоедает, но разве

надоедает матери всегда одинаково кормить детей или учителю? Что ж, иногда и почувствовать усталость, то средство здесь же около тебя, – помолиться, мысленно призови помощь Благодати, – и бодрость с тобой. Вы видали ли, чтобы я без улыбки входил в класс, или на кафедру? А разве мне тоже не надоедает всегда одно и то же? Так на что же молитва. «Проси и дастся, толкни и отверзется», разве пустые слова? Что не употребляете силы, которые с вами и при вас?.. (Речь этого содержания держать и на Соборе – напечатать потом и рассылать ее в виде письма.)

21 июня/3 июля 1885

Если бы предстояло претерпеть за Христа три секунды невообразимо лютых мучений, разве не согласился бы (разумеется, испрося помощи Самого Христа)? А если бы эти мучения разбавлены были на три минуты, причем люто-сть их соразмерно уменьшилась бы, будто отказался бы! Если бы на три дня, на три месяца, на три года, на тридцать лет, – причем в той же соразмерности убавляемая была и мучительность их, так что тридцатилетние мучения были бы просто то, что называется трудностями житейскими, – разве отрекся бы Христа? – Вот же, однако, отрекаюсь! От многих трудностей отрекаюсь! От победения своих страстей, от труда изучения письменного японского языка, от сочинения апологетических статей, от писем окружающих и прочего. – Помогите же, Боже! Избави от Петрова отречения! Долго мы в нем, а Петра ты тотчас же извлек! Помогите, Господи, с этих каникул в три года, то есть до каникул 1888 года изучить письменный

японский язык так, чтобы к освящению Собора пригласить священников и проповедников собственноручно! Помогите и во всем другом! Дай мне память сего отречения и тугу душевную избавиться от него, – тугу, оплодотворенную Твоею всемилостивою благодатью!

30 марта/11 апреля 1889. Четверг.
(Ровно девять лет, как рукоположен во Епископа в Александра-Невской Лавре).

Однако же, если спокойно рассудить, то и не очень я могу винить себя, если и убыток причину России, как выше сказано. Как я уехал сюда, в 1860 году? Самое благонамеренное и неудержимое желание служить Церкви толкнуло, – неудержимое, говорю, ибо все-все до единого кругом удерживали от этого шага (собственно, от монашества, ибо тогда было время самое антимонашеское). Я считал бы себя эгоистом и прочее, и прочее, если бы не поехал сюда. Дальше, кто до сих пор держал в Японии? Тоже не самolie, не желание самоугождения, покой и что-либо из таковых. С самого приезда в Японию до сих пор я не помню времени, когда не считал бы себя счастливым, если бы что-либо против воли моей вызвало меня из Японии. Но сам никогда не мог и теперь не могу уехать. Отчего? Да, ужасаюсь греха пред Богом – самовольно бросить пост, когда нет причин к тому; а причин нет: всегда есть некоторое движение вперед – значит, что-то толкает вперед, – также как (только более сильно) толкнуло в Академию, при зове сюда. Уйти, вот хоть бы теперь, когда давит душа, – не бесполезны ли все траты? Но кто же мне скажет, что действительно бесполезны? Быть может, если не здесь полезны, то в России? Кто знает, какую нравственную пользу приносит Миссия одним своим существованием? Материальный расход – дело не первой важности. Если подумать, что ежегодно миллионы текут из России в Европу на прихоти моды, то можно и не так мрачно смотреть на миссийские расходы.

...Итак, дай же, Господи, терпения и благодушия! А они нужны.

4/16 августа 1889. Пятница.

...Обреченные на смерть и уже видящие себя под обухом, должно быть, так страдают. Как я счастлив был бы, если бы какое-либо независимое от меня обстоятельство вызвало меня из Японии и обратило на другой путь службы! Самому же бросить Японию страшно; не людей страшно, хотя и совестно было бы, несказанно совестно сказать в России: «Напрасно вы надеялись на

Воспитанники и преподаватели духовной семинарии. В центре – свт. Николай

ТОГО ШАГА»

Из дневников святителя Николая Японского

Японскую Миссию, ничего из нее не вышло, только деньги потрачены»; но Божьего суда страшно; что-то невольно еще удерживает в Японии; быть может, это – тридцатилетний навык, а быть может, и Воля Божия. В первом случае уехать из Японии было бы хорошо, но кто же поручится, что это не последнее? Так или иначе, но выехать самопроизвольно отсюда я считаю для себя так же невозможным нравственно, как если бы ангел с огненным мечом стоял на пороге Японии и преграждал мне выход. Итак, нужно мириться с жизнью и деятельностью здесь. Но как же помириться? Сегодня опять я был в Уэно, в моей аллее-советнице и вернулся оттуда несколько успокоенный и с просиявшим взглядом. – Япония – страна, очевидно, приготовленная Промыслом к принятию христианства. Высший класс здесь, правда, погруженный в туман земных удовольствий, не видит нужды ни в какой религии, средний – уже лучше – считает религию нужною, по крайней мере, как средство управления народом и тому подобное, но низший – простой класс народа – прямо и просто считает религию – необходимую душевную потребностью, и потому или еще от сердца держится буддизма, или же, почуяв недостаточность его, льнет к христианству. Итак, христианство сюда непременно должно войти. Какое же? А кто предскажет это? Систематичности от японского народа ждать нельзя, – он изменчив, как струя воздуха.

...Теперь же и дальше, и стоять крепко на вверенном посту; и по течению или ветру и [без]душная лодка плывет, без бури и ветра и гнилой столб стоит. Но против течения или без попутного ветра может плыть только человек – от бури не упасть может только имеющее в себе устойчивость. Ленивы мы! Богом данных сил не хотим двинуть, оттого и падаем; нужно, чтобы тащили и радовали нас благоприятные обстоятельства, тогда мы, сгорашиваясь, и плывем: «мы-де!» Гадко! Пусть и целые Церкви отпадают, катехизаторы уходят, священники гниют, – стоять и работать бодро, не обращая ни на что внимания, не давая себе падать, уходить в уныние, гнить бездеятельностью, – то и будет подчинение воле Божией, а там что ей угодно! Итак, Господи, дай же и никогда не отнимай от меня «мир и бодрость»! Дай, помоги быть Твоим верным рабом! Жаждет сего душа моя – только не может без Твоей помощи!

28 мая/9 июня 1892. Четверг. Оосака.

Усталость сама собою сказывается; вчера лег спать в девять часов, сегодня встал в восьмом часу, так как никто не

мешал спать – такое количество подряд часов сна редко когда бывает, и именно в дни физической, да и нравственной усталости, ибо возбуждение и усиленный пульс жизни не может не производить утомление.

На следующем Соборе, имеющем открыться здесь в Оосака с 15-го числа нового стиля, августа, должно установить следующее:

1. Катехизаторы непременно везде должны завести воскресные школы для детей христиан и учить детей сначала молитвам, потом Священной Истории, Катехизису и так далее. До сих пор катехизаторское правило обязывало катехизаторов учить детей Закону Божию, но не везде и не как должно это исполняется. Отныне это должно быть усилено. К детям христиан, по возможности, должны быть присоединяемы и дети язычников; для чего публиковать о воскресной школе и принимать другие меры привлекать язычников.

Учебники на первый раз и теперь уже есть; кроме того, Миссия озабочена об издании книг с картинками и об иллюстрациях в Священной Истории, также о втором издании картин Священной Истории.

Чтобы уяснить хорошенько вопрос том, как и какие книги нужно издавать, хорошо бы приехать на Собор Савве Хорие, или Павлу Накаи, или обоим.

2. Женские дружеские собрания (фудзин-но симбокквэй) уже показали свою пользу везде, где заведены. Продолжать заводить их везде по Церквам, и на тех же основаниях, как доселе.

Но нельзя ли еще, в подспорье к сему, начать издавать женский православный журнал? Силы в нашей же женской школе для того уже есть; если привлечь к сему участие других умных православных христиан, – то дело, мне кажется, может стать; посоветоваться же о сем в Токио пред отправлением на Собор.

3. Польза от фудзин-но симбокквэй внушает мысль заводить по Церквам и кейтей-но симбокквэй (мужское дружеское собрание). Пусть священники и катехизаторы отныне заботятся и о сем. Мужские собрания должны быть устрояемы по тем же правилам, как и женские: в месяц раз, чтобы не надоели, в воскресенье, чтобы не имели предлога не прийти на них по «некогда».

Итак, вот три рычага для подъема Церкви: для детей – воскресные школы, для женщин – их симбокквэй, для мужчин – их симбокквэй.

Катехизаторы и священники должны учредить все это там, где еще не учреждено, и заботиться о поддержании везде; в Миссию же извещать о состоянии и ходе дела по всем этим трем статьям, чего до сих пор не было.

4. Катехизатор весьма часто, не имея дела в своем месте, ослабевает, навывает к бездеятельности и падает нравственно. Отныне да не будет сего. Поставить в обязанность всем, коль скоро открывается свобода от занятий в своем месте, то есть истощилось число слушателей, а новых нет – искать слушателей в другом месте; в больших городах, например, в Хиросиме, это может быть в одном и том же городе; в небольших городах это не всегда может быть, и потому катехизатор при помощи христиан находит цуте – в другом городе или селении – но не дальше пяти ри, если нет водных или железнодорожных сообщений; собрав там слушателей, катехизатор переселится туда и живет до тех пор, пока скажет им все вероучение от начала до конца, по крайней мере, первую часть; кончив таким образом с ними и приготовив их к крещению, катехизатор вновь переходит в свое место, если там до того времени образовалась группа слушателей; разумеется, из своего места пребывания для непрерывного научения новых слушателей катехизатор должен раза два-три или больше бывать и в другом месте для молитв с христианами и для хранения их и сбережения от охлаждения или расхищения. При такой методе, во-первых, у самих катехизаторов будет сохраняться доброе катехизаторское настроение – не ослабеют, не опустятся они от бездеятельности, во-вторых, у христиан будет поддерживаться ревность, чтобы иметь у себя катехизатора, они будут заботиться находить ему дело у себя, то есть находить новых слушателей.

Молодые наши катехизаторы как-то не являются достоительно авторитетными по своей должности. Пусть они сохраняют скромность, приличную молодым людям, но учение преподавать должны с властью, ибо это не их учение – они только эхо – ученики вечного Бога, пред которыми нет стариков, а все юны и беспомощны. Нехорошо, если катехизатор искусственно дуетя, как я видел одного протестантского – спрашивает, как будто он своею душою куда-то вглубь погружен – это отвратительно и смешно в молодом человеке; но в то же время межеться и исчезать пред всяким, кто постарше летами или чином, не смеет ясно и раздельно слово учения сказать, – хуже, чем плохо – это просто презрение возбуждает, и катехизатор самоувертывает себя, сам делается виною своей бесплодности. Пусть он будет скромн и смирен, но учение говорит смело и с властью.

Фрагменты «Дневников» подготовила
Наталья Адаменко

В Библиотеке портала «Идите, научите все народы» www.kateho.ru можно найти и другие выдержки из «Дневников»

«Если в детстве медведь на ухо наступил...»

Выпускник Московской консерватории Сергей Бурлака рассказал жителям Екатеринбурга о том, как слушать музыку, и о человеке, пришедшем к Богу через искусство

По приглашению Культурно-просветительского центра «Екатерининский», Свято-Екатерининского православного братства и Детского центра духовного развития в Екатеринбург приехал с двумя лекциями-встречами Сергей Бурлака, альтист, выпускник Московской консерватории, бакалавр богословия (Свято-Филаретовский институт), исследователь жизни и наследия пианистки Марии Вениаминовны Юдиной, создатель авторских лекций о классической музыке.

Среди гостей этих встреч не было профессиональных музыкантов, но несмотря на то, что встречи проходили среди рабочей недели в 30 градусном морозе, они собрали многих – людей разных возрастов и разных профессий, верующих и неверующих.

Первая встреча была посвящена духовному пути пианистки Марии Вениаминовны Юдиной. Многие услышали о ней впервые. А те, кто что-то знал о ней как о музыканте, были удивлены, узнав, что она проповедовала Евангелие, общалась со священством, даже пыталась поступить в духовную академию (поступить туда в советское время женщине было невозможно), открыто говорила о Боге со сцены во время концертов, всегда выступала со словом надежды и поддержки во время похорон друзей, умела утешать, вдохновлять, помогала всем и каждому.

«Я знаю один лишь путь к Богу: чрез искусство. Я не утверждаю, что мой путь универсальный, я знаю, есть другие дороги. Но чувствую, что мне доступен лишь этот. Это мое призвание!» – говорила Юдина.

Гостей удивил тот факт, что, не-

смотря на открытое исповедание христианской веры и смелое, порой даже откровенно вызывающее поведение по отношению к властям, Мария Юдина не была арестована. «Почти всех моих знакомых, по крайней мере, раз, но арестовывали... А сколько послали в лагеря! А я ни разу даже в ГПУ вызвана не была», – говорила Мария Вениаминовна. О возможных причинах того, почему советская власть не применила к ней эту меру, сохранилось свидетельство знакомой Марии Вениаминовны по «иосифлянскому» движению В.Н. Яснопольской: «На одном из допросов <...> следователь вдруг заговорил о ней (Юдиной) с большим возмущением: “Она непременно хочет, чтобы мы ее арестовали – чтобы предстать мученицей в глазах Западной Европы, а вот мы ее и не арестуем!”».

Как вообще в такое трудное время для нашей страны мог появиться такой человек как Юдина? «Дело не только в “феномене Юдиной”, ее удивительном даре, – ответил лектор, – безусловно, сыграли роль время и условия, в которых она выросла, постоянный духовный поиск, люди, с которыми она общалась, окружение, в котором она вращалась. То есть кроме особого дара, это еще и особенный труд».

Звучал вопрос о музыке как ритме жизни: часто музыка может вдохновлять, давать надежду, но может и вызывать к иным чувствам, призывать на битву, вводить в «дурную мистику». «Жизнь человека – путь, Юдина не сфальшивила и не сбилась с ритма. Тайна ритмов имеет своей природой общение со святыми людьми, они с этих ритмов не сбивались. Христиане обладают этой тайной», – ответил Сергей Бурлака.

Вторая встреча была посвящена тому, как слушать классическую музыку. Есть распространенное мнение, что классику способен слушать только специалист, музыкант, человек, сведущий в мире искусства. «Люди часто как-то сразу сдаются, говорят, “это не мое”, “мне медведь на ухо наступил в детстве”, “я не понимаю и вряд ли пойму”. Но это лишь от нежелания попытаться ее понять, ведь музыка – это язык, на нем говорили многие великие люди. Музыка всегда несет в себе сообщение, ее необходимо постигать», – поделился своим размышлением Сергей Бурлака. Он рассказал о некоторой «технологии»

Сергей Бурлака и Антонио Вивальди

слушания музыки, которая включает в себя встречу с музыкальным произведением и его автором через знание исторического контекста, судьбы композитора, его взглядов, структуры произведения, жанров и наше размышление об этом произведении.

«Детская» часть встречи была посвящена «Временам года» Антонио Вивальди. Ведущий рассказал им, что именно можно услышать в «Январе»: «Вот, смотрите, нам холодно, это дрожь, а это вьюга завывает, метель, снег; а теперь дом, очаг, стало тепло, слышите?» И дети слушали зиму. Домой пошли с заданием – услышать весну, лето и осень.

Взрослым гостям ведущий предложил подумать над отрывками произведений Гайдна, Баха, Бетховена, Паганини, Чайковского, Рахманинова, Шостаковича. Многих особенно поразила история с «Прощальной симфонией» Гайдна: обычно в симфонии четыре части, а в ней есть пятая, медленная часть, во время исполнения которой музыканты вдруг один за другим прекращают играть, гасят свечи и покидают сцену. Сначала исключаются все духовые инструменты. И так до конца, пока на сцене не остается всего два скрипача. В свое время это придумал композитор и капельмейстер Гайдн как протест против «сокращения» оркестра. Но какой остроумный и изящный этот протест!

И обо всем этом можно узнать, если «правильно слушать и слышать» музыку.

Встречу организовало Свято-Екатерининское малое православное братство.

Елена Каштанова
Фото Анны Бронниковой,
Ирины Мельниковой

Дети слушают зиму – такую, какой слышал ее Антонио Вивальди